

Н. № 3.

2-й годъ изданія.

0271

СѢВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

**Еженедѣльникъ молодой надпартий-
ной интеллигенціи**

№ 7.

Вся чистая прибыль идетъ
въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

10 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.
на большую ежедневную Литературную, Политическую и Общественно-Экономическую газету

„СЪВЕРНОЕ УТРО“

Издания годъ 5-й.

Издающуюся въ Архангельскѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ въ 6 колоннъ, при ближайшемъ участіи сотрудниковъ Московскихъ и Петроградскихъ изданій. Газета является органомъ демократической мысли, обслуживающимъ нужды и интересы Сѣвернаго края. Въ виду развертывающихся съ каждымъ днемъ все новыхъ и новыхъ событій, связанныхъ съ грандіозной Европейскою войной, главное вниманіе редакціи обращено на возможно подробныя сообщенія о ходѣ военныхъ дѣйствій въ видѣ извѣстій съ театра войны по телеграфу, сообщеній разныхъ военныхъ корреспондентовъ, статей на военныя темы и обзоровъ положеній на всѣхъ театрахъ войны. Главное вниманіе обращено на нужды Сѣвернаго края, на жизнь уѣздовъ Архангельской губ. Увеличенный форматъ газеты далъ возможность значительно пополнить отдѣлъ мѣстнаго края. Собственные корреспонденты во всѣхъ уѣздахъ Архангельской губ. и въ крупныхъ столичныхъ городахъ. Подписная цѣна: на 1 годъ—5 руб., на 6 мѣс.—3 руб., 3 мѣс.—1 руб. 75 коп., 1 мѣс.—60 коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи. Архангельскъ, Псковскій пр., д. Лейцингера и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

на ежемѣсячный журналъ

Южно-Русскій Потребитель

Задача журнала: Отраженіе жизни кооперативныхъ учреждений юга Россіи. Журналъ является органомъ Т-ва Потребительныхъ Обществъ юга Россіи.

Участіе въ журналѣ принимаютъ: Г. А. Берловскій. Ве—эсь. М. Т. Девись, А. А. Евдокимовъ. П. Жадановскій. И. А. Жмаревъ. А. С. Зарудный. В. Ф. Красновъ, А. Н. Макаровскій. С. Н. Макаровскій. К. А. Мацѣвичъ. Б. С. Одеръ. Г. Н. Пелипенко. Ю. Переяславскій. О. Ро—нь, М. Савельевъ. В. И. Сандуловъ. Е. Трофимовская. П. Холмскій. К. Шильниковъ. Б. Яблоновскій. Журналъ будетъ выходить книжками до 2-хъ печатныхъ листовъ. Кромѣ 12-ти номеровъ журнала подписчики будутъ получать еженедѣльно торговый отдѣлъ въ видѣ перечня товаровъ и цѣнъ на Харьковскомъ и др. рынкахъ. Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой: на годъ 2 руб. на $\frac{1}{2}$ года 1 руб. 20 коп., на 3 мѣс. 70 коп. Адресъ конторы и редакціи: Харьковъ, Москвская, 10.

Адресъ для корреспонденцій: Харьковъ, Пассаажъ, почт. ящ. № 195.

Редакторъ-издатель В. И. Сандуловъ.

ОТКРЫТА на 1915 годъ ПОДПИСКА (Третій годъ изданія).
на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная Жизнь“

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, на $\frac{1}{2}$ года—три рубля.

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ „Кооперативная Жизнь“ выходитъ 2 раза въ мѣсяць книжками въ 64—80 стр.

Въ журналѣ „Кооперативная жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1. Передовыя статьи, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневные вопросы кооперативной жизни. Въ текущемъ году были помѣщены статьи на темы: Съезды по сельскохозяйственной коопераціи, Сохраненіе единства коопераціи въ Россіи, Кооперація и областничество, О союзномъ строительствѣ, Торговый договоръ съ Германіей и россійская кооперація, Годичное собраніе акціонеровъ Московскаго Народнаго Банка, Теорія и практика въ кооперативномъ дѣлѣ. Техническая безпомощность сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ Россіи и др. 2. Жизнь кооперативовъ на мѣстахъ 3. Кооперативные центры. 4. Взаимоотношенія земства и кооперативовъ. 5. Кооперативная жизнь за границей. 6. Инструкторскій отдѣлъ (отвѣты на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера). 7. О новыхъ книгахъ. 8. Изъ практики для практики. 9. Хроника комитета о сельскихъ ссудо-сберег. и пром. т-вахъ. Большое мѣсто уделяется корреспонденціямъ съ мѣст. Периодически журналъ производитъ обследованія, анкеты, имѣющія цѣлью освѣщать разные стороны кооперативной практики. Такъ, въ текущемъ году на страницахъ журнала въ рядѣ корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи разсматривалось положеніе товарищескихъ операцій съ хлѣбами въ 1913 году. Помѣщались также статьи читателей по вопросу о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ и по вопросу о союзномъ строительствѣ. Кромѣ того всѣмъ подписчикамъ въ 1914 году были разсланы бесплатныя приложенія: Первый и второй сборникъ статей: „Библиотека Кооперативной Жизни“. Статья Н. Полянскаго, прис. пов. Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ кооперативныхъ товариществъ. Статья А. И. Переса, прис. пов. Обь организаціи волостныхъ и земскихъ попечительствъ. Съ № 21-го при журналѣ всѣмъ подписчикамъ прилагаются; „Труды Комитета о сельскихъ ссудо сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“. Цѣна журнала за 1914 годъ (24 №№ и приложенія) 5 руб. безъ приложеній 3 р. Цѣна журнала за 1913 годъ 3 р. (24 №№). Отдѣльные №№ журнала за 1913 и 1914 гг. по 20 коп. Сборники „Библиотека Кооперативной Жизни“ по 1 рублю.

Редакціонный комитетъ: М. П. Авсаркисовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ, В. А. Кильчевскій, А. Е. Кулыжный, Г. А. Мартюшинъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чайновъ и кн. Д. И. Шаховской.

Проспектъ объ изданіяхъ „Кооперативной жизни“ высылается по требованію бесплатно. Пробный номеръ высылается за 2 десятикопѣчныя марки. Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь“ Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Съвержый Тусляръ

0271

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 7.

2-й годъ изданія.

20 Марта 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Вечеръ въ Студіи Вс. Мейерхольда, А. Туфанова.—Ознобъ лепестковъ златоцвѣтовыхъ, А. Туфанова.—Выявленіе будущаго, Нелли.—Эскизъ по вопросу о воспріятіи музыкальнаго творчества, Николая Милеанта.—Оскверненный курганъ, Евген. Козлова.—Стих. Симеоновой.—Жилище Гараморта, К. Жакова.—Сонетъ, Э. Г.—„Чего онъ хотѣлъ“?, Галинской.—Духъ бездны, Нелли.—Изъ записокъ ненормальнаго человѣка, Н.—Жизнь высшей школы.

Вечеръ въ Студіи Вс. Мейерхольда.

А. Туфановъ.

„Я поджигаю потому, что я задолжалъ себѣ самого себя!..

„Осталось неизвѣстнымъ имя преступника, а главное, что побудило его на преступленіе.

„... угасъ, продолжая декламировать съ напыщенной страстностью про свою жажду увидѣть призраки... и онъ не понималъ, что самъ былъ тѣмъ, чего жаждалъ“.
(См. Вилье де-Лиль-Аданъ „Желаніе быть человекомъ“)

Эстетическіе феномены, художественные образы—неподвижны, а въ символѣ есть элементъ динамическій, элементъ нарастанія аналогій и приближенія къ созерцанію чистой идеи. Въ Софокло-Эврипидовское время, въ древней Греціи, трагедіи: „Эвмениды“, „Про-

метей“, „Антигона“ требовали, а въ наше время символическія драмы требуютъ театра „Неподвижнаго“, въ которомъ движеніе—только внѣшній рисунокъ внутреннихъ переживаній.

Въ самой символической драмѣ есть очень сложное внутреннее движеніе. Лишнее движеніе, его повторяемость создаютъ пластическое закрѣпленіе вѣчно мѣняющагося символа, т. е. того, для чего застывшая форма является безобразіемъ.

„Отъ ненужной правды современныхъ сценъ я зову къ сознательной условности античнаго театра“, писалъ Вал. Брюсовъ, много работающій надъ созданіемъ новыхъ формъ сценическаго творчества.

О требованіяхъ М. Метерлинка, Андрея Бѣлаго, о работѣ Вс. Мейерхольда въ театрѣ В. Коммиссаржевской я буду говорить еще въ отдельной статьѣ по случаю гастролей Москов-

скаго Художественнаго театра въ Петроградѣ. Здѣсь же считаю необходимымъ напомнить, что самостоятельная творческая дѣятельность актера была только во времена Софокла и Эврипида; въ дальнѣйшемъ же, съ развитіемъ реалистической поэзіи и драмы и сценической техники, творческія силы актера падали, и уже нашъ „натуралистическій“ театръ съ его требованіемъ „все какъ въ жизни“ превратилъ актера въ фотографа.

Упрощая аксессуары, технику, Условный театръ, руководимый Вс. Мейерхольдомъ, при постановкѣ символическихъ драмъ, возвращалъ актеру возможность творческой самостоятельности. И бунтъ Мейерхольда противъ реальности умеръ вмѣстѣ съ Коммиссаржевской, потому что для символической драмы въ старомъ актерѣ долженъ былъ родиться новый человекъ съ новой душой. Но не умеръ въ Мейерхольдѣ талантливый, вѣчно-ищущій, мятущійся режиссеръ-поэтъ.

Мнѣ лично, въ данный моментъ, не нуженъ даже Условный театръ. Я нахожу, что возможенъ театръ, который я назвалъ бы Театромъ Аналогій, прекрасныхъ аккордовъ: актера—поэта, меня—зрителя и отпечатка воли—музыки. Въ качествѣ примѣра возьму мысль: „думы подъ инемъ о золотомъ кольцѣ“. Мы трое играемъ.

Актеръ (произноситъ): Золотому кольцу лепестковъ златоцвѣта вѣтерокъ вѣчно-юный солнечную разрывность несетъ.

Я (смотря на актера и дорисовывая воображеніемъ его тѣнь на плывущихъ облакахъ надъ Брокеномъ): А моя Великая Тѣнь надъ Брокеномъ чье же видитъ кольцо съ плывущихъ облаковъ?

Оркестръ же изображаетъ хаотически-изступленные удары Рока въ двери къ тому, кто послѣ заката съ проклятіемъ ищетъ свою тѣнь, не понимая, что самъ онъ только тѣнь той тѣни при солнцѣ.

Вотъ почему первымъ вопросомъ моимъ къ самому себѣ былъ: почему я не могу отнестись отрицательно къ воплощенію новыхъ формъ исканій Мейерхольда?

Чтобы читателю было ясно, опишу самый вечеръ вкратцѣ.

Вечеръ 2 марта былъ повтореніемъ вечера 12 февраля. Въ программу его были включены: одна интермедія, этюды и пантомимы. Исполнителями выступали комедіанты Студіи Мейерхольда. Метрами сцены были: Вс. Э. Мейерхольдъ и Вл. Н. Соловьевъ, много работающій надъ возрожденіемъ театра эпохи *Commedia dell'arte* (см. его статьи въ журналѣ „Любовь къ тремъ апельсинамъ“ журналъ доктора Дапертутто“, изд. подъ ред. Вс. Мейерхольда). Парадные наряды по рисунку А. В. Рыкова, урояля А. М. Малевинскій.

Постановкой интермедіи „Саламанская пещера“ М. Сервантеса Сааведры метръ сцены проводитъ принципы литературнаго балагана. Персонажи размѣщаются въ опредѣленномъ геометрическомъ порядкѣ; въ области рѣчи словесная импровизація въ предѣлахъ текста; въ области движеній—постоянное приплясываніе, съ своеобразными изломами тѣла и четкой чеканкой жеста въ строгомъ соответствіи съ костюмами. На сценической площадкѣ—ширмы съ четнымъ числомъ створокъ три паруса на бамбуковыхъ палкахъ; двѣ бочки, замѣняющія два табурета въ 1-ой сценѣ, а во 2-ой—подставку для стола. Въ цвѣтахъ—чередованіе зеленого, синяго, красного и желтаго. Не останавливаясь на приборахъ и на перечнѣ всѣхъ трюковъ, передамъ только общее впечатлѣніе.

Метры сцены, пользуясь принципомъ крайней схематизаціи и отвлеченія, стремятся возродить импровизованную итальянскую комедію не только въ области *mise en scène*, но и въ словесной, т. е. создать актеровъ-творцовъ.

Очень удачно устройство сцены: сценическая площадка на возвышеніи, безъ рампы, и просценіумъ въ видѣ полукруга, съ проходами-лучами просценіума, все время подъ музыку, динамически-увлекающими зрительный залъ къ сліянію со сценой, когда комедіанты въ коричнево-красныхъ (мужчины) и черныхъ (женщины) костюмахъ, съ зелеными, оранжевыми и красными полосатыми пятнами, въ солнечно-неудержимомъ бѣгѣ зовутъ его туда,

вскакивая на эстраду, прыгивая и снова несясь по проходамъ между зрителями съ цѣлью „будить фантазію, не оставлять ее въ бездѣйствіи“.

Пантомимы: „Арлекинъ—продавецъ палочныхъ ударовъ“, въ стилѣ французской арлекинады XIX в., „Уличные фокусники“—въ манерѣ венеціанскихъ народныхъ представлений конца XVIII в.

Фрагментъ къ китайской пьесѣ: „Женщина, кошка, птица и змѣя“ разыгрывается на просценіумѣ, на сценической площадкѣ изображается только долгое путешествіе молодого китайскаго принца на плечахъ комедіантовъ, временно изображающихъ коня, и отправленіе въ бой съ невидимымъ непріателемъ; движеніе съ длинными пиками въ послѣдней картинѣ создаетъ зрительный обманъ относительно количества персонажей.

Постановка „Мышеловки“ и „Офеліи“ изъ трагедіи о Гамлетѣ принцѣ датскомъ наводитъ на мысль, что будущее—за драмой символической. Ученики Мейерхольда и Соловьева разыграли эти двѣ сцены схематично и мимически и, заволновавъ зрителя, показали, что подлинное театральное дѣйство въ такихъ произведеніяхъ остается и безъ словъ, которыми разукрашенъ остовъ сценарія; отъ устранения эстетическаго феномена, образа словеснаго, этого неподвижнаго элемента, театральное дѣйство ничего не теряетъ, и въ будущемъ реалистическія драмы, вѣроятно, будутъ разыгрываться въ видѣ пантомимъ. Что же касается символической драмы, съ ихъ динамическимъ элементомъ символомъ, то мнѣ кажется, что постановки въ Студіи Мейерхольда намѣчаютъ дальнѣйшіе этапы разрѣшенія сложнаго вопроса постановки символической драмы, настолько сложнаго, что А. Бѣлый когда-то предлагалъ даже совсѣмъ ее снять со сцены; къ сложному символической драмы легче перейти отъ Литературнаго Балагана, чѣмъ отъ сложнаго драмы реалистической.

Я не буду называть наиболѣе яркихъ, „талантливыхъ“, какъ говорятъ театральные рецензенты, исполнителей пантомимъ и интермедіи. Если на сценѣ—импровизація и если сцена—не кинематографъ, то исполнители всѣ талантливы, сравнительно съ артистами ветхозавѣтнаго театра, а наиболѣе талантливыхъ въ два вечера не опредѣлить.

Для меня самымъ эффектнымъ трюкомъ вечера былъ—стремительный бѣгъ комедіантовъ по направленію къ затылкамъ зрителей и къ просценіуму. Привыкли, думалъ я, сидѣть, не думать и смотрѣть „все какъ въ жизни“, а вотъ Мейерхольдъ и Соловьевъ заставляютъ творить, поворачивая въ безпокойствѣ головы назадъ, гдѣ, кстати, еще играетъ музыка.

Въ заключеніе не могу еще не отмѣтить одного, не общаго, а частнаго значенія Литературнаго Балагана. Для человѣка съ символическимъ міросозерцаніемъ (я имѣю въ виду чистый, эстетическій символизмъ), при постепенномъ его преобразованіи въ живое существо иныхъ міровъ, иногда наступаютъ мгновенья трагическихъ остановокъ, мгновенья реакціи противъ нарастанія сложности; въ такіе миги необходимо созерцаніе солнечныхъ танцевъ Айседоры Дунканъ, а также, прибавлю я послѣ вечера въ Студіи, и Литературный Балаганъ Мейерхольда и Соловьева. Смѣхъ, веселье, шумъ, музыкальная пластика, приплясываніе, бѣгъ, вскакиваніе, крикъ молодыхъ комедіантовъ какъ-то невольно завладѣваютъ утонченно-сложной душой такого зрителя; театральная динамика на фонѣ сюжетовъ общечеловѣческихъ, примитивныхъ какъ бы выводитъ изъ состоянія трагическихъ остановокъ и, по закону контрастовъ, усиливаетъ наше устремленіе въ потустороннее.

А. Туфановъ.

I. Ознобъ лепестковъ златоцвѣтовыхъ *)

Шорохи думъ подь инеемъ о золотомъ кольцѣ.

А. Туфановъ.

ШОРОХИ ПЕРВЫЕ.

Золотому кольцу

лепестковъ златоцвѣта

вѣтерокъ вѣчно-юный

солнечную разрывность

несеть.

А моя Великая Тѣнь надъ Брокеномъ чье же видитъ кольцо съ плывущихъ облаковъ? Она движется... къ Солнцу... сквозь золотое кольцо вѣнчика...

Облака плывутъ подь нею. А я самъ—весь тамъ, за вѣчнымъ окномъ въ двузеркальномъ, ослѣпительномъ, ласкающемъ терему.

Кто жъ на горѣ?... на горѣ неподвижный? Кто же онъ? кто... предъ застывшимъ кольцомъ...

Растаяли тучки, кочующія тучки, какъ дымъ. На горѣ танецъ тоски, оторванной отъ земли.

(Подожди заката... Вотъ голосъ надежды):

— Плывутъ, плывутъ новыя... Верну я себя...

(Слышишь?..)

— Растаяла тѣнь! Проклятiе! Что дѣлать..

Что дѣлать?! Нѣтъ неба безъ земли. Нѣтъ земли безъ неба...

ВТОРЫЕ.

Видишь?... Идетъ ночь. Перекликаются въ

пѣснѣ съ вчерашнимъ солнцемъ журчащiе ручьи.

Думаетъ кукушка, *придумываетъ*, какъ побороть ночь... еще разъ, побороть еще разъ!

Заведи ключомъ старинные часы и положи ихъ на желѣзный столъ.

А лунный лучъ разбить рѣшеткой. Бродятъ по камерѣ одиночной тѣни, ползутъ, вытягиваются тѣни, ширятся, а... не растутъ! Да... ты въ рамкѣ тѣни не растущей!?!... о несчастiе! о проклятiе!

Значитъ, надо любить только часы? рецитативомъ поютъ они: не остановилось... не остановилось... близко къ разсвѣту!

Ждутъ, когда ты снова

услышишь перекиканья

журчащихъ ручейковъ

съ солнцемъ, полями,

лѣсомъ и лугами...

въ юномъ устремленьи

въ безбрежный океанъ.

ТРЕТЬИ.

Ахъ, новое утро съ лиловой зарей—покрываломъ Венеры! Дыши въ лепестки златоцвѣта Дуй въ хризантемы стеклолъ замерзшихъ. Разведи костеръ надъ рѣкой и лови рукою созвучья огневая, прыгая сквозь безумное горѣнье костра!

Загорается сіянье лиловыхъ зорь!
Златоцвѣта пѣсенку слышу я:
Солнце... Солнце! Видишь, иней
лепестки мои покрыль...

Ночью я пустыней синей
отъ земли оторванъ былъ...

Звѣзды всѣ охороводилъ
безъ Тебя съ морского дна,

океаны обезводилъ...

Но... продрогъ я безъ окна...

Ты одно (безъ насъ)—зеркальность

въ склепѣ царственныхъ цвѣтовъ.

Безъ Тебя мы—лишь хрустальность

струй ночныхъ у ручейковъ.

Не хочу я, чтобы иней

вновь кольцо сковаль собой!

Я хочу, чтобъ надъ пустыней

жилъ мой теремъ голубой...

II. Пѣсня пасхальная *).

Опаленный дневными лучами
жилъ въ лѣсу до вечерней зари я,
на закатѣ въ лиловомъ молчаньи
услыхалъ я созвучье—Марія.

И, А, Я прозвучали аккордомъ,
страсть, восторгъ и въ слияньи горѣнье;
въ И былъ Я—недосказанно-гордый,
въ А—безъ тайнъ черезъ страсть устре-
мленье

Въ тѣлѣ—шумы и вихри согласныхъ,

а въ душѣ—ассонанса лишь тѣни.

Не хочу я отъ нихъ диссонансовъ,

лучше—имя: въ немъ къ солнцу ступени.

Въ этомъ имени—отблескъ созвучій,

риемъ струй ручейка и журчанья

съ океана лучистые звоны,

въ немъ томленье—созвучье молчанью.

А. Туфановъ.

*) Примѣчаніе. Это мое прозаическое произведение—отрывокъ изъ 2-ой „Спирали“ (1-ая Спираль—„Пѣсни листьевъ мимозныхъ въ дни смятенные“)—должно вызвать только ощущение. Построенное по методу аналогій, оно не можетъ быть передано обыкновенными словами, да еще „своими“.

А. Т.

*) Примѣчаніе. Самое цѣнное въ мірѣ реальныхъ отношеній между людьми—имена. Въ нихъ есть богатая риема, тогда какъ тѣла звучать только какъ аллитераціи, а души—какъ ассонансы. Въ имени, какъ въ символѣ, есть элементъ динамическій, а потому каждое изъ именъ—прекрасно. „Марія“—единственное изъ именъ, вызвавшихъ цвѣтеніе, свѣтлое какъ пасхальный часъ. Десятки другихъ именъ застыли въ эстетическіе феномены и ждутъ воскресенія, т. е. перехода изъ неподвижныхъ феноменовъ въ динамическіе символы моихъ стиховъ.

Пѣсня пасхальная, какъ и „Ознобъ лепестковъ златоцвѣтовыхъ“, представляетъ отрывокъ „Второй моей спирали“.

А. Туфановъ

Выявленіе будущаго.

(О сборникѣ „Куда мы идемъ?“)

Нелли.

Къ своей цѣли я пойду болѣе длиннымъ путемъ. Пусть онъ дологъ, этотъ путь, а все-таки я имъ, медленно и увѣренно достигну своей цѣли; Въ „достигну“ я вижу послѣднюю точку и темная для другихъ, она горитъ огнемъ предо мною, огнемъ, началомъ огненнаго слова „Будущее“. Да! я вижу это начало. Вижу хотя бы въ произведеніяхъ Куприна, Арцыбашева, Юшкевича; вижу въ увядающемъ интересѣ къ Андрееву—наиболѣе сильному выразителю „своего“ направленія, направленія „духа“. Отживаютъ Андреевы, Мережковскіе, смѣняются писателями, возвращающимися „Художественное творчество съ неба на землю“, какъ говоритъ П. С. Коганъ. Спускаются сюда, поближе къ намъ, мистики и богоискатели; спускаются богоборцы и сверхэстетики; спускаются индивидуалисты съ ихъ эгоцентризмомъ—чтобы лечь поскорѣе въ могилу, простую могилу съ земляными дномъ и стѣнками. Глуше раздаются андреевскіе крики, меньше нервныхъ натуръ истерически хохочутъ и стучать молотами. Шумъ криковъ уступаетъ мѣсто музыкѣ. Вы хотите смѣяться, беретесь утверждать противное?

Ну что же?

Я пользуюсь случаемъ, чтобы дать вамъ небольшой отвѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разобрать и одну книжку подъ заглавіемъ „Куда мы идемъ“.

„Куда мы идемъ?“ спрашиваетъ редакція „Зари“ и въ сборникѣ приводитъ рядъ, взглядовъ на настоящее и будущее русской интеллигенціи, литературы, театра, искусствъ. Въ этомъ сборникѣ нашли себѣ оцѣнку всѣ „знаменитости“ нашего времени, начиная Андреевымъ и кончая Потемкинымъ, извѣстнымъ Потемкинымъ—вѣроятно послѣднимъ изъ безсмертныхъ. Задаваясь вопросомъ „Зари“ прежде всего начинаешь думать о русской жизни, о роли этой жизни при созданіи произведеній. Коганъ остроумно замѣчаетъ, что

вопросъ „куда мы идемъ въ сферѣ художественнаго творчества?“ подобенъ вопросу „куда направляется рука идущаго человѣка?“ Художественная литература можетъ идти только въ томъ направленіи, въ какомъ идетъ общество; общество же опредѣляетъ ея содержаніе и форму. И если признать это положеніе, то понятнымъ станетъ отраженіе общественно-политической бури, пронесшейся надъ Россіей въ столь недавніе годы, въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Общественно-политическая буря нанесла ударъ надеждамъ мыслящихъ людей, подчеркивая лишній разъ оторванность интеллигенціи отъ массы народной, давая своеобразную окраску всякой коллективной работѣ. Она, скажемъ мы, отрезвила русскую мысль, заставила ее обратить свое вниманіе не только на матеріализмъ жизни,—не только на политическія свободы, какъ непремѣнное начало здоровой жизни. Эта буря разгромила часть общества, нанесла ему, такъ сказать, ошеломляющій ударъ. Правда, ударъ по головѣ былъ слишкомъ силенъ, онъ даже ошеломилъ, но отрезвленіе отъ этого удара можетъ имѣть благія послѣдствія; и, дѣйствительно, могло и дало вѣчто реальное, хотя въ будущемъ ждать этого реальнаго, конечно, придется въ большей мѣрѣ, чѣмъ было до сихъ поръ. До сихъ поръ или плакали, или бѣгали растерянно, нигдѣ не находя оправданія... проклиная жизнь, общество, даже землю. Все и всѣ виноваты. Ergo все и всѣхъ нужно проклясть, отрицать...

Конечно, злоба можетъ длиться недолгое время. За злобой наступитъ творчество новыхъ цѣнностей, начало критики прежняго и исканій въ будущемъ. Таковъ законъ жизни.

Интеллигенція пред-революціоннаго періода строила свое зданіе на песокъ—и оно рухнуло, погребая строителей. Интеллигенція послѣ—рево-

люціи должна глубже посмотрѣть въ основу вещей, чтобы не быть въ положеніи предшественницы. Страхъ такой же участи заставилъ уйти отъ зданія подальше, а фундаментъ будущаго рѣшили класть по новому. Какъ же? За материалистическимъ пониманіемъ вещей встали запросы духа, желаніе „творить правду и красоту“. Вотъ и ухватились за нихъ; ихъ-то и положили въ фундаментъ. Правда, новые строители не знали, что твореніе правды и красоты можетъ стать краеугольнымъ камнемъ всего будущаго: они видѣли шире все будущее выстроеннымъ изъ ихъ камней. Въ этомъ была ихъ ошибка. Стать основой—вовсе не предполагаетъ надстройку. Основа лишь крѣпче держитъ все зданіе. Надстройка же можетъ быть совершенно иной.

Скажемъ яснѣе: революція 1905 года создала въ литературѣ особое теченіе, характеризуемое однимъ словомъ „религія“. Здѣсь (какъ говорить Коганъ) „поэзія, при всемъ ея разнообразіи, имѣетъ общее происхожденіе, ... въ совокупности она отражаетъ растерянность и угнетенное состояніе извѣстной части общества, вызванное либо усталостью, либо разгромомъ общественныхъ силъ, ... всѣ эти „религіи“, которыя чуть-ли не ежедневно приносятся намъ пророками изъ сверхчувственнаго міра, въ сущности только бессознательныя обобщенія мечтаній и скачковъ общества, на время выбитаго изъ колен, ... эта поэзія въ цѣломъ отражаетъ антисоціальное и антинаучное настроеніе общества, извѣрившагося послѣ разгрома въ значеніи соціального усилія и фактическаго изученія жизни. Въ такіе моменты обращеніе общества къ надземнымъ силамъ, пессимизмъ и всякія „религіи“ являются обычнымъ выходомъ“. (см. стр. 86 сборн.). Пессимизмомъ, „ужасомъ передъ жизнью“ проникнуты произведенія Андреева, крикомъ, отчаяніемъ, угрозами .. Проклятія всему! „Кричи, громче кричи! Пусть услышигъ тебя городъ, и земля, и небо!.. кричи объ опасности, кричи объ ужасѣ этой жизни, кричи о смерти! И проклинай! проклинай! и къ твоему проклятію звѣря я присоединю мое последнее проклятіе челоуѣка...“ Индивидуализмъ требовалъ созданія особыхъ цѣнностей, новыхъ цѣнностей. И вотъ новыя „цѣнности“ при широтѣ размаха и несомнѣнной та-

лантливости выросли въ особыя формы, въ яркій языкъ, въ странныя положенія. Символизмъ, одухотвореніе начала всѣхъ началъ, образы внѣ времени и пространства. Короче: геометрія четвертаго измѣренія, но насильно втиснутая въ третье! Пересѣченіе сферическихъ параллелей! Оригинальность, отдѣленіе своего творчества, формы своихъ художественныхъ произведеній отъ произведеній другихъ. А содержаніе, конечно, мрачное, „близкое къ отчаянію“. Именно, близкое къ отчаянію содержаніе. Отчаяніе говоритъ въ „Жизни челоуѣка“; отчаяніе могло побудить русскую мысль зарываться въ мистику. Если до неба дѣло дошло, то ужъ навѣрное грянулъ громъ. Это извѣстная психологическая черта не только русскаго мужика, а, мнѣ думается, и русскаго интеллигента. Откуда же взялъ интеллигентъ (и при томъ русскій) темы для своихъ произведеній? откуда почерпнулъ онъ свои красивые проклятія и ужасы? свой мистицизмъ, богоборчество? Бореніе Іакова съ Богомъ, какъ *idée fixe* современныхъ богоискателей? Вообще свои новыя цѣнности? Новое пониманіе жизни? На эти вопросы та же книга даетъ довольно полный отвѣтъ. Я имѣю въ виду статью М. Рубинштейна „Философія цѣнности, какъ продуктъ времени“. По мнѣнію автора, „глубоко-трагическій разрывъ между внѣшней и внутренней жизнью“, между успѣхами техники и внѣшней жизнью и жизнью духа заставило обратить вниманіе на оцѣнку протекающихъ передъ нами явленій не только внѣшняго „я“, но и „я“ внутренняго; заставилъ разсмотрѣть „добро и зло, истину и ложь, красоту и безобразіе“ не съ признанія ихъ таковыми, а съ точки зрѣнія права признанія за ними всѣхъ прежнихъ преимуществъ включая сюда и ихъ опредѣленіе. Почему добро, красота, мораль—законы, и кто создалъ, и чѣмъ обусловлена эта обязательность ихъ признанія? А отсюда, чисто логически, можно дойти до прогресса, до смысла жизни и т. д. „Шла и идетъ рѣчь не только о томъ, что нравственно, истинно, красиво и т. д., но самая возможность подобныхъ опредѣленій *), ихъ право, цѣнность подверглась сомнѣнію. И началась та великая переоцѣнка цѣнностей, которая не оста-

*) Разрядка моя.

вила нетронутой собственно ни одной области культурной жизни. Эта скептическая волна прокатилась даже въ сравнительно болѣе отдаленной отъ жизни глубины абстрактной философіи: она нашла себѣ отчасти нѣкоторое выраженіе въ томъ, что у входа въ святилище философіи была поставлена теорія познанія въ качествѣ строгаго, неизбежнаго контролера. И вотъ передъ нами проходятъ трагическія фигуры: Шопенгауэра, у котораго міръ потерялъ всякую цѣну, какъ продуктъ слѣпой воли, какъ покрывало Майи; Гартмана, который шелъ въ отрицаніи міра по стопамъ Шопенгауэра; Майлендера, завершившаго свой нессимизмъ добровольной смертью; Ницше, для котораго рушился весь міръ старыхъ цѣнностей и который ярче всѣхъ отразилъ въ себѣ трагическую эпоху, „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“; Штирнера, пытавшагося разрушить коллективныя цѣнности и водрузить на ихъ мѣсто абсолютную цѣнность „я“ и его самодержавное господство; отчасти къ этимъ скептическимъ вѣяніемъ примкнулъ и Толстой въ своемъ сомнѣніи въ цѣнности культуры, удаляющей насъ отъ природы и т. д.“ (см. стран. 132. „Куда мы идемъ?“)

Насколько переоцѣнкѣ цѣнностей придавалось большое значеніе можно судить по словамъ Ницше. Ницше идеаломъ философа ставитъ человѣка, создающаго цѣнности. „Блаженствомъ должно быть для васъ накладывать свою руку на тысячелѣтія, какъ на воскъ!“ восклицаетъ онъ устами Заратустры. Такое теченіе переоцѣниванія не могло не отразиться на русскихъ писателяхъ, на русской интеллигенціи вообще—и въ результатѣ удара политическаго, явилось желаніе соединить разочарованіе съ пересмотромъ общихъ положеній, хотя бы пересмотра болѣе широкаго характера. „Нѣтъ ужъ прежней вѣры въ панацеи гражданственныхъ символовъ“, пишетъ А. Волинскій.— „Даже среднимъ человѣкомъ овладѣла потребность въ новыхъ духовныхъ святыняхъ и новыхъ логическихъ санкціяхъ для тѣхъ самыхъ жизненныхъ задачъ, которыя такъ просто, казалось еще недавно, разрѣшались при помощи нехитрой механики матеріализма въ западно-европейскихъ его образцахъ и отечественныхъ его видоизмѣненіяхъ“. (стран. 25. „Куда мы идемъ?“). Пересмотръ положеній выразился въ произведеніяхъ Л. Андреева, въ цѣломъ рядѣ художест-

венныхъ сочиненій другихъ русскихъ писателей послѣдняго времени. Не только модернизмъ я имѣю въ виду. Сюда я отношу и исканія Мережковскаго,—т. к. это вѣль тоже модернизмъ своего рода.

Вездѣ во всѣхъ ихъ отношеніе къ жизни ирреальное. „Для нихъ единственная реальность—созданіе ихъ собственнаго духа. Они вѣрятъ, что всякая фантазія, родившаяся внутри ихъ, есть открытіе, пришедшее изъ сверхчувственнаго міра“ (см. Коганъ. Стран. 85). И подобно модернистамъ даже дальше пошли богоискатели. Они стали пополнять свои ряды писателями, поэтами съ ними ничего общаго не имѣвшими и не имѣющими. Взять хотя бы къ примѣру небольшую книжку Мережковскаго о Лермонтовѣ—„Лермонтовъ-поэтъ сверхчеловѣчества“; въ этой книжкѣ авторъ сдѣлалъ Лермонтова богоборцемъ, богоискателемъ; записалъ въ свое общество (тоже самое недавно о Байронѣ). Оказывается, что Лермонтовъ пришелъ съ „неземнымъ“ въ душѣ, „оттуда сюда“, такъ что небесныхъ звуковъ ему замѣнить не могли скучныя пѣсни Земли. Ну а жизнь Лермонтова тоже ангельская? колеблющаяся ангела? Почти что такъ; если у него были скверныя выходки, то (видимое ли) Лермонтовъ думалъ ближе подойти къ Землѣ, принять видъ человѣка какъ дьяволъ захотѣлъ бы обратиться въ „семипудовую купчиху“. Къ сожалѣнію я не могу остановиться сейчасъ на детальномъ разсмотрѣніи всего Мережковскаго, какъ не могу сдѣлать этого и по отношенію къ Андрееву. Сдѣлаю это въ недалекомъ будущемъ. Пока ограничусь вышеприведеннымъ случайнымъ примѣромъ. Важно зафиксировать, что богоискатели рѣшили придать себѣ болѣе вѣсь, а для этого притащили покойниковъ. Отсюда недалеко до указываемой Волинскимъ социализаціи неба, хотя христіанство—внутренняя сущность, духъ человѣка, а въ социализмѣ—внѣшнія силы и матеріалистическое пониманіе самого духа какъ „результата столкновеній и противобореній внѣшнихъ факторовъ“. Но когда дѣло дошло до мистическихъ обоснованій,—тамъ разумъ, конечно, уходитъ на задній планъ. Казалось бы сочетаніи разума и мистики быть не можетъ; бываетъ же иначе. Изъ мистическихъ Вѣчной Женственности и Вѣчнаго Материнства (даю небольшой примѣръ) Мереж-

ковскій виводить ознакoмленіє съ народомъ; большую близость Лермонтова къ послѣднему, чѣмъ Пушкина. А въ разочарованности и „индивидуализмѣ“, въ бросаніи въ мистику, Д. Философовъ усматриваетъ обычный для всякой революціи „пересмотръ старыхъ идеологій, новое отношеніе къ вѣковѣчнымъ проблемамъ бытія. Человѣческой опытъ обогатился новымъ религіознымъ фактомъ, потому что... всякая революція есть фактъ не только соціального и политическаго порядка, но и фактъ порядка мистическаго“ (см. стр. 125). Религіозные моменты философовъ усматриваетъ въ ирраціональныхъ началахъ революціонной эпохи. Много, молъ, „ирраціональныхъ началъ, началъ по преимуществу религіозныхъ“. Въ чемъ же ирраціональныя начала? Да вотъ въ мечтаніяхъ революціонеровъ, никогда не претворяющихся въ жизнь полностью. „Развѣ то, что есть, то что совершилось, соотвѣтствуетъ мечтамъ людей конца XVIII вѣка? Развѣ въ декларацію правъ вкладывалось то содержаніе, которое вложила въ нее исторія?.. Нѣтъ, мечта была иной, чѣмъ оказалось дѣйствительность. Въ мечтѣ былъ религіозный паѳосъ, въ дѣйствіяхъ былъ религіозный порывъ, была вѣра въ чудо.

„Но дни экстаза прошли, мечта упала на землю, и вотъ естественно начинается пересмотръ самыхъ основъ соціальной религіи“, говоритъ Д. Философовъ (см. стр. 124). Но гдѣ все же мистика? И не игра ли здѣсь словъ, простая игра? Соціальная религія! Догма! Начала! Далѣе Философовъ поясняетъ:— „пересмотръ той вѣры, которая подвигала людей на совершеніе несовершенныхъ чудесъ.“ Видите ли: соціальная религія и вѣра одно—и то же! Вѣра и мистика равнозначущія понятія. Такъ ли это? Отъ вѣры до духа Мережковскаго еще очень далеко. И можно ли вѣру вообще смѣшивать съ вѣрой-религіей? Наконецъ всякое званіе основано все же на вѣрѣ, хотя такое утвержденіе многимъ покажется парадоксомъ, или нелѣпостью. Изучая что бы то ни было, я говорю, что знаю это постолько, поскольку вѣрю тому, что изучаю. Если найдется нѣчто другое, болѣе вѣроятное, я отброшу первое и повѣрю — буду знать — другому. Такъ дѣло обстоитъ и въ моменты создаванія программъ, при суммированіи экономическихъ причинъ, при выработкѣ „Деклараціи.“ Фактически бывшему

даютъ оцѣнку въ опредѣленномъ направленіи а эта оцѣнка, какъ и надежды, возлагаемыя на революцію, носятъ въ себѣ элементы вѣры земной вѣры; вѣры—инстинкта, но не вѣры того міра. Слѣдовательно, утверждать тогда, что „революціонныя дѣйствія—результатъ не только экономическихъ причинъ, но нѣкоторое претвореніе въ плоть исторіи духовнаго, метафизическаго и религіознаго запаса идей, накопленнаго человѣчествомъ“, будетъ также странно, какъ странно кажется соціализація неба и Христа. Вообще, я думаю, что въ настоящемъ XX вѣкѣ, послѣ позитивизма, „религіи разума и прогресса“ мистическія бросанія обставлены очень тонко, соединены съ близкими цѣлями какъ, напр., „освобожденіе народа“, перевиты указаніями на глубокой смыслъ, на реальныя дѣяности. Богоискательство поэтому ни на землѣ, ни на небѣ а что-то среднее: въ воздухѣ. И отношеніе къ нему многихъ изъ сборника „Куда мы идемъ?“ отрицательное. С. Венгеровъ видитъ, напр., въ основѣ всѣхъ религіозныхъ исканій не искренность: Вольнскій А.—карикатурную компиляцію на религіозныя темы—перековываніе „истиннаго золота“ народной жизни въ случайно схваченныя формы, рожденныя въ огнѣ иныхъ страданій.“ Измайловъ А.—панику мысли; Ан. Каменскій—вытаскиваніе Бога на улицу; М. М. Ковалевскій—подраженіе Западной Европѣ, „гдѣ это движеніе было обусловлено глубокой католической подпочвой“; Н. Морозовъ—нѣчто промежуточное между „устарѣвшимъ мистицизмомъ, тянущимъ промежуточныхъ людей назадъ, и смѣлымъ реализмомъ, увлекающимъ ихъ впередъ.“; проф. Л. Владиміровъ—аффектированное напускное богоборчество на показъ публикѣ, любящей, въ своей слабой умственной жизни, все на свѣтѣ, кромѣ того, что ясно, „здро и прекрасно.“ Есть, конечно, и защитники религіозныхъ исканій. Таковыми являются А. Бѣлый, Д. Философовъ, З. Венгерова, П. Новгородцевъ. Послѣдній въ богоискательствѣ видитъ углубленіе духовныхъ интересовъ, расширеніе и обогащеніе духовной жизни; религія и философія не будутъ мѣшать наукѣ, свободному ея развитію. Даже больше. „отрѣшеніе русской интеллигенціи отъ старыхъ позитивистическихъ предразсудковъ (!) окажетъ благотворное вліяніе на развитіе научной мысли, укрѣпивъ ея силу въ присущей

ей сферѣ вопросовъ и освободивъ ее отъ чуждыхъ ея существу притязаній „Устраненіе старой непереносимости и признаніе свободы исканій во всей широтѣ запросовъ человѣческаго духа.“ Какъ видите, неопредѣленность! Такъ и кажется, что и мы возвращаемся къ метафизикѣ, контовской ступени развитія.

Итакъ, вотъ основная мысль: разрывъ между внутренней и вѣншей жизнью породилъ переоцѣнку цѣнностей; революція въ Россіи нанесла ударъ коллективизму, показала односторонность русской интеллигенціи, ставившей запросы духа на послѣднее мѣсто, игнорировавшей ихъ, придавая имъ матеріализацію. Отсюда пессимизмъ, созданіе новыхъ цѣнностей, бросаніе въ мистику, обратная узость—духомъ хотятъ сдѣлать матерію или по крайней мѣрѣ приблизить ее къ этому. Вліяніе Запада и собственное недоумѣніе—слѣдствіе удара политической бури—сплелись. Что же будетъ дальше? дастъ ли русская интеллигенція, высказавшаяся на страницахъ вышеуказанной книги, отвѣтъ и на этотъ вопросъ? Да, дастъ! Она говоритъ не только о томъ, что будетъ, а и о томъ, что уже есть. Она говоритъ о переломѣ въ творчествѣ: возвращеніи къ старому, „къ матеріи,“ прозаичной матеріи, т. е. не полетами же между небомъ и землею можно рѣшать вопросы земли, не изъ проклятой землѣ и человечеству рождается лучшее будущее. Критика-уничтоженіе уступаетъ мѣсто критикѣ-созиданію. „Отъ Андреевыхъ и Сологубовъ публика вдругъ повернула къ Купринымъ, Юшкевичамъ и т. д. Что общаго между головокружительной высотой, откуда съ ужасомъ смотритъ на землю Л. Андреевъ, и почти этнографическими замѣтками Куприна, между ослѣпительнымъ хаосомъ, который садистскія сцены возбуждаютъ въ душѣ Соллогуба, и потрясающимъ грубымъ изображеніемъ насилія у Юшкевича?“ спрашиваетъ П. С. Коганъ. О возвращеніи къ быту говоритъ и А. Горнфельдъ, хотя онъ Куприна и не ставитъ въ центрѣ этого возвращенія. „Литература обратится къ быту,—обратится не потому, что истерическіе крики индивидуальной души, симулирующіе самопознаніе ни кого не задѣваютъ, но и потому, что познаніе быта органическихъ кооперативныхъ формъ жизни диктуется намъ общей тенденціей нашего ближайшаго будущаго.. Соціальная проблема есть индивидуальный вопросъ рѣшаемый коллективно.“ Коллективное рѣшеніе вопроса, работа съ наро-

дными массами заставляетъ знать ихъ, эти массы; заставляетъ и заставить литературу отъ индивидуализма перейти къ „новому погруженію... въ міръ собирательной души.“ *) К. Кочаровскій говоритъ почти то-же самое, требуя, чтобы интеллигенція огрѣшилась отъ самой себя и своихъ ощущеній; чтобы снова начала переживать „общую жизнь человѣческую,“ „жизнь народныхъ массъ.“; пошла по новому „въ народъ.“ И хотя старая интеллигенція теперь разрозненна, остается надежда на молодую. По мнѣнію Кочаровскаго, „молодое и сильное ядро интеллигенціи“ пойдетъ по новому пути „новаго народничества.“ Морозовъ Н. видитъ въ развитіи индивидуализма въ современной русской литературѣ реакцію противъ увлеченія коллективизмомъ и народничествомъ: но „санитство, ницшеанство быстро прокатятся волной въ область прошлаго,“ какъ полное же крушеніе ждетъ и авторитетъ теологіи предъ лицомъ свободной мысли и свободного изслѣдованія. Приводитъ мнѣнія другихъ я не буду. И такъ уже слишкомъ много; болѣе, чѣмъ достаточно. Болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы видѣть общее движеніе литературы въ сторону реализма, новаго реализма. Въ этомъ новомъ реализмѣ больше мѣста отведено душѣ и ея запросамъ, больше сверхъвѣдѣній, я бы сказала. Въ то же время переоцѣнка цѣнностей должна была стать основой новой постройки, расширила наше пониманіе, позволивъ имѣть „необходимое для жизни мірутверженіе.“ Наконецъ, даже пессимизмъ и проклетія жизни принесли свою пользу, показавъ, что время проклятой уже прошло; что интеллигенція вѣхнула и этого напитка, напитка „изолированной индивидуальности“! Теперь наступило время не создаванія новыхъ криковъ, не изощренія въ тонахъ и формахъ, а время совмѣстной, коллективной работы; болѣе тѣснаго соприкосновенія съ народомъ, съ жизнью, съ земной жизнью и съ настоящимъ, не идеализированнымъ, народомъ.

Я разсмотрѣла такимъ образомъ отдѣльные взгляды части нашихъ ученыхъ, публицистовъ, мыслителей и писателей; разсмотрѣла, конечно, въ высшей степени кратко, схематично, заставляя говорить другихъ и приводя цитаты изъ ихъ статей и отвѣтовъ. Насколько такой методъ выявленія „будущаго“ удаченъ — не знаю.

Нелли.

*) Разрядка моя.

Эскизъ по вопросу о воспріятіи музыкальнаго творчества

(Посвящается В. В. В—скому).

Николай Милеантъ.

Эти строки навѣяны случайной полуночной бесѣдой съ однимъ изъ друзей.

Началось съ того, что вспомнили одного изъ наиболее популярныхъ въ Петроградѣ лекторовъ по исторіи музыки, вдохновеннаго и увлекающаго оратора, горячо преданнаго своей работѣ и неустанно вѣрящаго въ ея просвѣтительный смыслъ. Мой собесѣдникъ сообщилъ мнѣ, какъ однажды на его лекціи, когда лекторъ напомнилъ слушателямъ, что Купринъ избралъ Largo изъ второй сонаты Бетховена эпиграфомъ къ своему „Гранатовому браслету“,—кто то изъ присутствующихъ иронически прошепталъ, что ему теперь вполне очевидна вся геніальность Бетховена.

Это невольно подслушанное замѣчаніе задумало ядъ сомнѣній въ сердце моего пріятеля, чуткаго и талантливаго музыканта, и вызвало размышленія на тему о томъ, имѣютъ ли вообще смыслъ подобныя лекціи о музыкѣ? Не заключаютъ ли онѣ въ себѣ по самому существу своему чего то абсолютно чуждаго музыкальному искусству, тому божественному глаголу, который начинается именно тамъ, гдѣ кончаются слова... Вѣдь лекторъ желаетъ вызвать у слушателей ощущеніе великой красоты музыкальнаго творенія черезъ посредство болѣе или менѣе постороннихъ ему умозрительныхъ, то философскихъ, то историко-литературныхъ концепцій. Не лучше ли—*procul este profani*...если вамъ нужно разжевывать и расписывать то, что по природѣ довлѣетъ только себѣ самому. Однимъ словомъ, не будетъ ли безцѣльной профанаціей искусства класть на столъ анатома-аналитика такія великія достиженія музыки, какъ произведенія Бетховена? Извѣстно

вѣдь, что послѣдній негодовалъ, когда назойливые филистеры спрашивали его, что хотѣлъ онъ изобразить въ томъ, или другомъ изъ своихъ созданій...

Отсюда былъ только одинъ шагъ къ увлекательному спору о психологіи такъ называемаго „пониманія музыки“, и намъ было трудно удержаться, чтобы не вступить на сію тернистую дорожку.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто приходится слышать выраженіе: „понимаете ли вы эту музыку“, либо: „онъ вообще хорошо понимает музыку“ и всякіе иные варианты. А если спросить, что же такое слѣдуетъ разумѣть подъ „пониманіемъ музыки“, то едва ли часто получите въ отвѣтъ отчетливую формулу.

Вѣроятная сущность воздѣйствія всякаго рода искусствъ на психику воспринимающаго состоитъ въ томъ, что полученныя ощущенія прежде всего заставляютъ работать аффективное поле сознанія, возбуждая сладостное чувство радости отъ красоты, а затѣмъ попадаютъ въ поле чистой рефлексіи, дѣятельность котораго несетъ обратный токъ къ чувствамъ, повышая ихъ интенсивность своею связью съ рефлекторскимъ критеріемъ.

Такова схема. Но, когда идетъ рѣчь о литературѣ, живописи, скульптурѣ—терминъ „пониманія ихъ“ употребляется чаще всего въ отношеніи внѣшней формы, ибо внутренняя сущность въ большинствѣ случаевъ легко доступна для импульса къ индивидуальной рефлексіи. Въ музыкѣ дѣло обстоитъ сложнѣе. Вся она въ цѣломъ—квинтъ-эссенція символизма въ чистѣйшемъ его видѣ, т. е. звуки сами по себѣ (за исключеніемъ опредѣленныхъ

подражаній голосамъ въ природѣ) не способны вызывать реальныхъ представлений, слѣдовательно, являются вполне ирреальными и ирраціональными символами, равно какъ сложенные изъ нихъ музыкальныя фразы и цѣлостныя музыкальныя произведенія.

Несомнѣнно, техника творчества играетъ въ воспріятіи музыки весьма значительную роль: примитивная народная пѣсня и „Экстазъ“ Сврябина—два полюса, но, когда мы говоримъ о „пониманіи“, то суть лежитъ не въ формѣ, а въ чемъ то иномъ. И это „иное“ служитъ объясненіемъ того, что рѣдкій субъектъ не способенъ къ эстетическимъ эмоціямъ отъ поэзіи, живописи, танца, и въ то же время далеко не всякій эквивалентно воспринимаетъ искусство музыки.

Основная причина кроется въ томъ, что о пониманіи музыки, какъ глубоко символическаго искусства, можетъ быть рѣчь только тогда, когда существуетъ чисто внѣшняя, такъ сказать, механическая способность къ ея воспріятію. Ее можно было бы назвать „физиологической музыкальностью“, а въ повседневной жизни обозначаютъ просто „музыкальностью“ даннаго субъекта. Такого рода особеннаго свойства вовсе не требуется для читающаго художественное созданіе поэта, либо созерцающаго твореніе кисти или рѣзца.

То, что мы назвали физиологической музыкальностью есть врожденная и совершенно своеобразная способность къ отчетливому воспріятію рядовъ музыкальных звуковъ, такъ называемыхъ музыкальныхъ фразъ, и крѣпкому фиксированію ихъ въ памяти. Первая часть воспріятія связана съ „музыкальнымъ слухомъ“, вторая съ „музыкальной памятью“, но практически эти понятія идентичны, ибо мы говоримъ о наличности „слуха“ лишь тогда, когда субъектъ способенъ повторить слышанную мелодію.

Эта физиологическая музыкальность есть, очевидно, функція опредѣленныхъ физическихъ особенностей и, хотя вполне способна къ прогрессу путемъ упражненія, но, повторяю, не можетъ быть создана даже у ребенка, если онъ лишенъ ея зачатковъ. Ея крайній предѣлъ—абсолютный слухъ, т. е. способность

точно запоминать не только отношеніе тоновъ въ мелодіи, но ихъ абсолютную высоту, также обычно врожденное, а priori данное свойство.

Отсюда неумолимо вытекаетъ, что постиженіе музыкальнаго искусства въ его идейномъ содержаніи немислимо безъ наличія этой предварительной музыкальности, т. е. удерживаніе въ сознаніи получаемыхъ ощущеній необходимо предшествуетъ конструированію болѣе сложныхъ формъ познанія. Отсюда же ясно, почему глубокой эстетъ и знатокъ въ области другихъ искусствъ можетъ быть абсолютно индифферентнымъ къ музыкѣ, не стремясь къ ней и чувствуя ее какъ terra incognita.

Физиологическая музыкальность является необходимымъ краеугольнымъ условіемъ къ возможности „понимать музыку“, но вовсе не равнозначна послѣдней. Она лишь даетъ музыкальнымъ звукамъ дорогу въ психической міръ, самостоятельная работа котораго зависитъ уже отъ другихъ условій. Ихъ можно по аналогіи назвать психической музыкальностью, т. е. способностью слушателя перебросить незримый мостъ между воспріятой цѣпью звуковъ и гармоній и собственнымъ душевнымъ міромъ. Эта способность зависитъ ближайшимъ образомъ отъ двухъ данныхъ: во первыхъ, степени общей интеллигентности слушателя, куда, очевидно, входятъ свѣдѣнія по духовной культурѣ человѣчества и, во вторыхъ, извѣстной степени глубины и мощности индивидуальныхъ, субъективныхъ чувствованій. Чтобы не оставлять открытымъ приведенный выше разговоръ, замѣчу, кстати, что изъ сказаннаго вытекаетъ значеніе музыкальныхъ лекцій: если внѣ воли лектора увеличить физиологическую музыкальность, то его польза въ созрѣваніи второго условія—музыкальной интеллигентности—внѣ всякихъ сомнѣній. Мое второе слагаемое для „психической музыкальности“ въ постиженіи музыки играетъ громадную роль: бездонная глубина и безконечная чистота музыкальной символики способна восторгать насъ, поработая себѣ нашъ внутренній міръ, только тогда, если послѣдній способенъ къ выявленію яркихъ и могучихъ психическихъ процессовъ. Какъ слѣдному не

доступна живопись, а глухому колокольный звонъ, такъ неглубоко и пошло чувствующему невозможно постиженіе содержанія музыки. Для него немислима ни идея безконечной любви, ни пантеизмъ, ни мистика...

Совокупность указанныхъ двухъ способностей можно назвать своеобразнымъ „коэффициентомъ постиженія музыкальнаго искусства“. Онъ является критеріемъ „вчувствованія“ въ

волшебный міръ музыкальныхъ звуковъ, или „пониманія музыки“.

Въ надеждѣ вернуться еще разъ къ этой темѣ на этихъ страницахъ, не буду дѣлать отсюда окончательныхъ выводовъ, достаточно ясныхъ для того, чтобы предоставить ихъ читателю.

Николай Милеантъ.

Оскверненный Курганъ.

Легенда объ основаніи города Кургана.

Это было давно-давно...

Когда еще по Сибири далеко и широко раскидывались богатые царства, да привольные кочевья древнихъ народовъ.

Когда свободные сыны степей еще мало знали людей съ Запада, которые потомъ пришли съ оружіемъ и громами, покоряя слабыхъ и не щадя горделиво-сильныхъ...

Это было давно-давно...

1.

Долго и безутѣшно тосковалъ старый ханъ по единственной своей красавицѣ-дочери, по волѣ безжалостной и неумолимой судьбы переступившей порогъ земной жизни. Долго завывали и въ искусственномъ отчаяннѣ царпали свои лица плакальщицы, выкрикивая о красотѣ и достоинствахъ умершей. Сосѣдніе молодые богатыри-князья, непримиримые между собой враги и ревнивцы, при жизни ханской дочери, печально явились на послѣднее прощанье, объединившее ихъ всѣхъ своимъ тяжелымъ ударомъ...

Грустилъ и народъ о ней, сіявшей, какъ солнце, своей красотой и ласковой мудростью. Горевала вся страна отъ маладо велика...

.. Догорѣли и погасли жертвенные костры, отзвучали громкія заклинанія жрецовъ и послѣднія куренія священныхъ травъ синеватыми облачками поднялись въ небесныя дали,—а надъ мертвой красавицей уже выросъ высокій могильный курганъ... Не забылъ старый ханъ украсить послѣдній приютъ своей горячо-любимой дочери: въ дорогихъ монистахъ, запястьяхъ и кольцахъ гордо возсѣдала она, еще нетлѣнная и прекрасная, на серебрянной колесницѣ, запряженной шестью бѣлоснѣжными зарѣзанными конями; своенравно разметались длинныя черныя косы, перевитыя жемчужными нитями. А кругомъ возлежали умервщленные ея любимыя рабыни, держа въ бессильно-охладѣвшихъ рукахъ золотые ларцы съ украшениями и драгоценностями.

Всѣ богатства отдалъ ханъ своей красавицѣ-дочери, ибо она была для него дороже

всѣхъ богатствъ. А самъ, скорбящій и одинокій, удалился со своимъ народомъ на новыя земли, чтобы не видѣть кургана,— не вспоминать о единственной и послѣдней...

Забытымъ и пустыннымъ осталось старое кочевье...

Прошли года, разрушили остатокъ чело-вѣческихъ жилищъ, развѣяли-разнесли буйныя вѣтры ихъ послѣдніе признаки и лишь только одинъ зеленый курганъ продолжалъ царственно стоять, тая въ себѣ несмѣтныя сокровища и ханскую дочь...

II.

„Ну, повезло намъ съ тобой, Васька, ежели этотъ старый хрычъ правду ска-залъ“ — воодушевлялъ Яшка Стружокъ своего закадычнаго пріятеля въ совмѣст-ныхъ бродяжничествахъ и скитаніяхъ по необъятной матушкѣ—Руси.

Васька Синявый только плечомъ пере-дернулъ: повезло, моль, такъ и пусть по-везло; а мнѣ это не такъ-то ужъ и инте-ресно; лишь одни глаза не могли скрыть тайной радости,—блеснули весело-хищно...

Выпытали все-таки они у этого колдуна-знахаря про сказочныя богатства, о кото-рыхъ еще у себя въ Россіи слышались отъ одного господскаго конюха-татарина.

Только ужъ больно темно да неясно го-ворилъ имъ одноглазый: самъ отъ дѣда еще въ дѣтствѣ слышалъ и плохо по-мнить.

— А тутъ такой счастливый случай вы-дался: подходи только да руками бери со-кровища. Хорошо, что Синявый умѣлъ ба-лякать по татарски.

Оно, положимъ, долго былъ упоренъ и крѣпокъ старикъ-знахарь, долго молчалъ, пока не испугавшись страшныхъ посулъ пріятелей,—не плюнулъ отъ злости и не

разсказалъ все о кладѣ по правдѣ-истинѣ. Потомъ съ досады долго плакалъ и призы-валъ на нихъ гнѣвъ и проклятія своего пророка Магомета; и только кистень, со свистомъ прорѣзавшій воздухъ, заставилъ его угомониться на вѣки...

Оба пріятеля были бѣглецами.

Не могли они оставаться въ вѣчной ка-балѣ у своихъ господъ-помѣщиковъ, и бѣ-жали; бѣжали на окраины Руси, къ Си-бири, гдѣ и жизнь привольнѣе и никогда до тебя не доищутся. Какъ море, стелются здѣсь широкія степи, бѣлоснѣжныя и без-брежныя зимой, и зелено-волнующіеся по веснамъ.

Эхъ, наступила Весна-красна!..

Плавно колышутся сочно-зеленыя травы, сіяетъ-горитъ солнышко, купается и поетъ въ небѣ жаворонокъ... Веселье и привѣтливъ Божій міръ... Иди, человекъ, ищи свое счастье. Не страшны тебѣ никакіе кочев-ники, никакіе опасности,—коли знаешь, что здѣсь ты одинъ—самъ себѣ хозяинъ, что на родинѣ у тебя ничего не осталось, кромѣ колодокъ да батаговъ. А тутъ про-сторъ, свобода...

Свободному человекъ и опасность-не въ опасность.

Вотъ такой-то жизни и добились, нако-нецъ, Васька Синявый да Яшка Стружокъ. Передъ этимъ вволюшку нагулялись они съ кистенями да булатами по темнымъ лѣ-самъ у себя на родинѣ, да тѣсно ужъ очень и опасно стало для нихъ тамъ, и вотъ они здѣсь—въ Сибири.

И на первыхъ-же порахъ—удача: раз-вѣдали; выпытали они случайно у татарина-знахаря про чудесный могильный курганъ ханской красавицы-дочери.

III.

Уже три дня прошло въ тяжелой работѣ надъ курганомъ, и только на четвертый стали докапываться до сокровищъ.

...Звякнулъ... все чаще и звончѣе заговорилъ подъ мотыгой, и наконецъ, показался, облѣпленный темной землей, серебряный кувшинъ, изъ котораго сіяющимъ сухимъ водопадомъ полились драгоценные самоцвѣты и золотые перстни...

Какъ воронье на мертвечинѣ, — накинулись пріятеля на первую находку; пригоршнями хватали они невиданныя богатства, биткомъ набивая ими свою за-пазуху... А глаза у нихъ были голодные-голодные.

Только послѣ этого кувшина словно стигнули куда-то всѣ сокровища: рылись-рылись Яшка да Васька, да такъ и не доискались ни до чего кромѣ серебряной уздечки...

И лишь надвигающаяся ночь прекратила ихъ разбойно-кошунственную работу надъ священнымъ пріютомъ ханской дочери...

...Потрескиваетъ костеръ. То дымно стелется по землѣ, словно пытаясь лизнуть ее своими желто-красными языками, то вдругъ порывисто вздымается въ темную высь, вмѣстѣ съ роемъ золотистыхъ искръ.

Синявий уже давно храпомъ-храпиль, да съ такимъ трескомъ и присвистомъ, что даже забавно, слушая его, дѣлается. А Яшка по уговору долженъ караулить первую половину ночи... Присѣлъ поближе къ пылающему костру и давай что-то мурлыкать себѣ подъ носъ...

Задумался Стружокъ, глядя на далекія звѣзды... Старики бають, что это, дескать, души праведниковъ... Ишь, какъ густо усеяли небо: словно пыль золотая... Золо-

тая... А вотъ завтра съ Васькой, навѣрное много придется накопать басурманскаго золота... Цѣлую груду... Большой-же былъ сегодняшній кувшинъ, а каменьевъ-то да золота... Вотъ ужъ завтра... Ну, будетъ: что раньше времени загадывать!

Благоговѣнное молчаніе степи только иногда прерывается шорохами травъ да непонятными ночными шумами.

Грезить степь...

Сладостно задумался и Яшка, вспоминая свою недавнюю любовь, свою разлапушку-Дуню... Полюбился онъ ей, лебединъ бѣлой... Приласкала-приголубила сироту... Словами нѣжными, да поцѣлуями горячими обогрѣла его горемычное сердце... Эхъ, Дуня, Дуня!.. Что теперь съ тобой? Говорила: безъ тебя, Яша, мнѣ — не житье на бѣломъ свѣтѣ... Синеглазая да румяная была; а косы русыя до самой земли опускались... Повѣнчаться-бы только имъ, да жить — добро наживать, такъ нѣтъ: господи и слышать не хотѣли... На колѣняхъ молилъ Яшка, ревомъ-ревѣлъ... Нѣтъ, не помогло, какъ ни просилъ... Уперлись на своемъ: нѣтъ да и только... Разсвирѣпѣлъ Стружокъ; взялъ да-подпалилъ въ одну темную июльскую ночь господскіе хоромы, а самъ теку задалъ.

Съ тѣхъ поръ и скрывается; мыкается повсюду... А какія рѣчи ласковыя шептала ему Дунюшка въ ночи жаркія... А какъ пѣла, пѣла-то!..

Такъ, кажется, все бы и слушала ее, — все бы отдалъ...

...Грустно-грустно льется пѣсня... Съ звонкой жалостью такъ и входитъ тебѣ въ душу, такъ и хватаетъ за сердце... А ты, бывало сидишь около и смотришь въ синія очи ненаглядной и слушаешь — не слушаешься...

Иной разъ прямо слеза прошибаетъ...

А Дуня около тебя вѣнчекъ изъ полевыхъ цвѣтовъ свиваетъ и...

— Ну, вздремнулъ кажется...

Ишь, какъ вѣдь заепался: все еще звучить въ ухахъ... Пѣсня-то эта,—Дунина...

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что это такое?!

Мерещится, что ли?!

— Изъ глубины кургана доносится чей-то дѣтскій голосокъ: звенить—заливается, тянетъ какую-то незнакомо-жалобную пѣсенку...

Вотъ тебѣ и Дуняша!

Только голосъ будто дѣвичій. Вслушался.

Вѣрно: дѣвичій. Кто бы это могъ быть?!

—Вѣдь въ самомъ курганѣ. Бр-р!.. Съ нами крестная сила! А невѣдомый голосокъ поетъ, захлебывается въ непонятныхъ жалобахъ... Потомъ грустная пѣсенка вдругъ прекратилась и замѣнилась горькимъ плачемъ...

Безутѣшно плачетъ и надрывно всхлипываетъ въ священномъ курганѣ тонкій дѣвичій голосокъ...

— Ой, какъ жутко стало Стружку,—завопилъ даже и пихнулъ изо всей силы подъ бокъ пріятеля. Тотъ сразу прервалъ свой хранъ, поперхнулся, закашлялся и немедленно проснулся...

— Слышишь?!

У Синяваго ужъ сонъ, точно рукой сняло: сидитъ, слушаетъ и трясется, какъ осиновый листъ; даже отвѣтить сразу отъ страха не можетъ...

...Долго тревожно вслушивались пріятели въ невѣдомо-жуткій плачь, пока на далекомъ горизонтѣ не заалѣла золотистая зорька и не задымился угасающій костеръ...

Тогда стоны и плачь стали замирать и прекратились совсѣмъ...

Мало ли чего не можетъ почудиться ночью, когда подъ темнымъ ея покровомъ нечистая сила свободно разгуливается и чудить, нагоняя страхъ на крещеный людъ... Можетъ это еще какая безсонная птица кричала, а имъ обрѣмъ, съ большихъ-то глазъ, и показалось неладное?.. Да и въ случаѣ... Всѣмъ извѣстно, что противъ всякаго бѣсовскаго навожденія,—только одна крѣпость, одна защита—крестное знаменіе:

И чего это они не догадались тогда?!

— Ну-ка, попробуй теперь, адская нечисть, еще хоть разъ побезпокоить добрыхъ людей ночью: закрестятъ тебя, какъ когда-то Іоаннъ Новгородскій закрестилъ черта въ рукомойникѣ... Такъ закрестятъ, что и въ адъ будетъ совѣстно явиться: шатайся по землѣ да оплакивай по ночамъ въ печныхъ трубахъ свою горемычную долю...

Такъ и порѣшили пріятели: чуть задурятъ бѣсовскія рати,—крестить ихъ безъ всякаго снисхожденія, да еще для забавы христіанскими именами нарѣчь; таскайся съ ними, какъ съ колодками, по бѣлому свѣту...

А работу надъ курганомъ, понятное дѣло, начали съ самаго ранняго утра...

Во влажномъ и прохладномъ воздухѣ еще роями кружилась надоѣдливая мошкара. Не такъ далеко, въ зеленомъ бархатѣ степи, переливается и сверкаетъ подъ солнцемъ, какъ серебро, холодное и глубокое Чухломское озеро...

Въ потѣ лица своего рыли Синявый и Стружокъ до самаго полдня; рыли бы и еще дальше, если-бъ за спиной не раздался вдругъ чей-то слащаво-хриплый голосъ:

— „Богъ на помощь, крещеные! Что вы это тутъ такъ стараетесь?“ ...

— Вздрогнули пріатели отъ неожиданности и зло повернулись назадъ; глядятъ — стоитъ какой-то побродяга (ишь, тоже куда занесло!), а самъ тянется да, любоньтно такъ посматриваетъ...

— Иди, иди своей дорогой... Что мы тутъ дѣлаемъ, — не твоего ума дѣло. Иди, иди, добрый человѣкъ!..

И такъ это было сказано, что сразу есъкъся неизвѣстный оборванецъ, сразу съежился и трусливо заковылялъ по степи привычно-легкой бродяжьей походкой. Отошедши подальше, онъ остановился и долго внимательно — подозрительно глядѣлъ на разрытый курганъ.

— У-у, гадюка востроглазая!.. — громко выругался въ сердцахъ Яшка, — попадись только теперь мнѣ — не взрадуешься!

Будто почувствовалъ тотъ угрозу, тотчасъ же бросилъ свое наблюденіе и сталъ уходить круто-круто...

Долго смотрѣли пріатели, прикрывъ отъ солнца ладонью глаза, на постепенно уменьшающуюся фигурку, пока та не скрылась совсѣмъ въ зеленой степной дали...

Тотчасъ же яро начали продолжать свою прерванную работу: — вѣдь еще, чего добраго — пойдетъ да расскажетъ другимъ... Вѣдь, догадался, сума переметная, — по глазамъ видно было!

— Насобираетъ всякой голи-перекатной, да нагрянетъ неожиданно... Тогда прости-прощай несмѣтная сокровища стараго кургана.

— Нѣтъ: надо скорѣе, скорѣе...

Только успѣли пріатели до конца додумать свою мысль, какъ сразу загудѣло что-то въ курганѣ: словно громъ какой-то подземный. Въ испугѣ бросили Стружокъ и Синявый свои мотыги и лопаты, чуть было не кинулись бѣжать, среди бѣла-дня, куда

глаза глядятъ, — да вспомнили во время свой уговоръ и перекрестились.

— И умолкъ гуль.

Но едва лишь начали продолжать свое сиѣшное рытье, какъ новый ударъ, сильнѣе прежняго, раздался и оглушилъ ихъ обоихъ...

Опѣшили дружки, даже не успѣли оградить себя крестнымъ знаменіемъ...

И въ третій разъ послышался гуль: дрогнула, застонала подъ ихъ ногами мать-земля, въ своихъ безпредѣльныхъ мукахъ; закачалась, заколыхалась, что едва устояли оба пріателя.

И вдругъ курганъ, съ неимовѣрнымъ грохотомъ, разошелся въ обѣ стороны и изъ сумрачной глубины его, — ослѣпительно сіяя камнями-самоцвѣтами, монистами и золотыми запястьями, а еще больше своей красотой, — стремительно вынеслась на серебряной колесницѣ ханская дочь.

Звонкимъ дѣвичьимъ голоскомъ гикнула она на бѣлыхъ, быстрыхъ, какъ вихрь, коней, стрѣлой помчалась къ синимъ водамъ Чухломскаго озера, и ринулась въ его холодныя, прозрачныя глубины.

Только тамъ, на недоступномъ днѣ, она нашла себѣ вѣчный покой и отдохновеніе.

Не могли вынести Яшка и Васька невыразимо-яркаго сіянія и помутился ихъ взглядъ — ослѣпли оба.

И бродили они, скорбно перекликаясь, несчастные и безпомощные; днемъ ихъ палило солнце, ночью томилъ холодъ и мошकारа.

Жалобно, но тщетно зывали они о помощи, вперивъ къ небу свои раскрытые, ничего невидящія очи, пока не упали отъ полного истощенія и такъ остались лежать неподвижными...

...Видно не ошиблись Стружокъ и Синявый въ подозрѣніяхъ.

Шумными ватагами подходили къ кургану люди безвѣстнаго рода-племени, зажженные однимъ желаніемъ: достать ханскія сокровища. Недоуменно обратились ихъ взоры, ихъ взгляды, на два безжизненныхъ трупа, и ничего тѣ имъ не сказали.

Но не долго созерцали они погибшихъ, — новые искатели стали подходить.

Трупы были зарыты недалеко въ сторонѣ; а около кургана закипѣла работа.

Ужъ не мало дней, недѣль, роются, — весь курганъ ископали, — а ничего не могутъ найти изъ скрытыхъ въ немъ богатствъ.

А про завѣтные клады во всѣ концы далеко пошла стоустая молва: много бѣднаго люда цѣлыми семьями стало приходить и селиться здѣсь, чтобы попытать свое счастье...

И возникъ здѣсь поселокъ, и прозвали его „Курганомъ“...

Вотъ какую легенду я слышалъ объ основаніи города Кургана.

Теперешніе его жители уже забываютъ о далекомъ прошломъ и о своихъ предкахъ, такъ дерзко нарушившихъ алчными раскопками посмертный покой ханской дочери. Да и никакого дѣла нѣтъ теперь потомкамъ до ихъ многогрѣшныхъ предковъ, до тѣхъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя до сихъ поръ еще не отысканы...

Только иногда, какой-нибудь старый дѣдъ таинственно и многозначительно сообщитъ:

— Не въ курганѣ ихъ надо искать, а на днѣ Чухломскаго озера. Да!.. — Вѣрно говорю.

А древній курганъ, оскверненный, изрытый людьми, и уже давно-давнымъ ими брошенный, стоитъ въ сторонѣ отъ города осиротѣвшей и забытый...

Евгеній Козловъ.

* * *

Голубыя глыбы льда,
снѣгъ хрустящій и сыпучій...

Надъ равниною пруда
чутко-дремлющія тучи...

Среди тучекъ на конѣ
рѣветъ мѣсяць златорогій.

Льдины въ призрачномъ огнѣ
голубѣютъ вдоль дороги.

Иней свѣтитъ на нихъ...

Спитъ замерзшее болото.

О страданіяхъ людскихъ
въ небесахъ вздыхаетъ кто-то...

Ангель трепетной рукой
сыплеть звѣздныя монисты.

Всѣмъ измученнымъ — покой
въ этотъ вечеръ серебристый.

Симеонова.

Жилище Гараморта.

Н. Жаковъ.

Случилось чудо—спасся Гарамортъ, и не только спасся, но и успокоился. Онъ построилъ жилище изъ большихъ камней на быстро-мчащихъ волнахъ жизни человеческой. Твердъ и непоколебимъ домъ мой на гранитныхъ сваяхъ! Вѣтры, и бури, и волны безопасны для него. Богъ мой, да старикъ сказочникъ и „умнѣйшая женщина“ помогли мнѣ выстроить прочное жилище мое!

Вотъ теперь сижу я у свѣтлаго окна моего, и гляжу на медленно идущихъ странниковъ, многодорожниковъ, неудачниковъ, гонимыхъ судьбою и людьми, бѣдствующихъ и непризнанныхъ, бездорожныхъ...

Всѣ идутъ они тяжело стоная, по песчаному берегу рѣки жизни...

И зову ихъ всѣхъ въ домъ мой, и мостъ желѣзный провелъ я отъ дома моего до отдаленнаго, и зову всѣхъ и кричу.

„Идите ко мнѣ, Гараморты всѣхъ странъ и народовъ, я накормлю, васъ, напою, и припасы дамъ въ дорогу, и доброй рѣчью утѣшу, васъ, рассказомъ о жизни моей, какъ и почему не погибъ, и какъ выстроилъ жилище неприкосновенно-прочное... Я позналъ, что связанъ я съ людьми, съ міромъ и съ Богомъ, вѣчно живущимъ въ творчествѣ своемъ.

Семью связями связанъ я со всѣми людьми и съ міромъ, а восьмая, таинственная

связь держитъ меня бокъ о бокъ съ Богомъ моимъ. Пространство, времени, матерія, душа, разумъ, прекрасное и доброе—вотъ связи мои съ людьми и съ природой-великой. Первопотенціалъ, живущій во мнѣ, соприкасается съ первопотенціаломъ Вселенной, т. е. съ Богомъ моимъ, и я чувствую Его непрерывно, слышу голосъ Его, сладко-утѣшительный, грозно-предупреждающій, властно-зовущій, нѣжно-умиляющій, таинственно-поучающій, и слышу шаги Его въ раю моемъ, въ юрницѣ Вселенной... Старикъ сказочникъ ходитъ ко мнѣ по утрамъ и рассказываетъ дивныя повѣсти свои, а „умнѣйшая“ изъ женщинъ укрощаетъ дикіе порывы души моей, устраняетъ соблазны міра, мое непониманіе людей превращаетъ въ проникновенность, въ сущность жизни...

Такъ идите же ко мнѣ, странники, ко мнѣ, всѣ некрасивые, нелюбимые, неудачливые, тѣ, кто не нашель призванія, потеряль тропу свою, всѣ утомленные тяжестью котомки своей, всѣ тѣ, кому измѣнили любимыя ими женщины, на глазахъ ихъ измѣнили имъ, и посмѣялись надъ ними, надъ некрасивыми, бѣдными, безчиновными, неудачливыми, отвергнутыми сильными міра сего... всѣ тѣ, кто плачетъ постоянно, утративъ силы свои преждевременно въ борьбѣ безплодной съ собой и съ другими, кто

стоитъ на перекресткѣ дорогъ, и неутишно думаетъ, куда идти ему дальше, всѣ, всѣ идите, Гараморты, выходцы забытыхъ, некультурныхъ народовъ, всѣхъ посажу я васъ вокругъ очага моего, гдѣ горитъ огонь живительный, возвращающій силы утомленному тѣлу и загнанной, напуганной душѣ... Идите, расскажу вамъ добрую сказку-притчу, чтобы снова и снова устремились къ желаннымъ цѣлямъ вашимъ, залечивъ больное сердце свое пластыремъ цѣлебнымъ мудрости великой... Дѣти мои, если сильно вы устали, и не можете идти до дома, посидите на берегу тамъ, успокоившись, я приду за вами, и осторожно перенесу васъ въ каменное, белѣнное-прекрасное, съ куполомъ свода небеснаго — жилище мое...

Такъ, такъ Гарамортъ зоветъ всѣхъ,

потерявшихъ надежды свои. Гарамортъ спасшійся самъ чудеснымъ образомъ отъ гибели, которому удалось освѣтить по-темнѣвшій разумъ, соединить разрозненные части, укрѣпить больное тѣло, залечить раны сердечныя, забыть всѣ обиды людскія, побѣдить всѣ трудности, и навсегда укрѣпиться въ жилищѣ своемъ, воздвигнутомъ на волнахъ быстро текущей жизни изъ камней великихъ, несказанно-тяжелыхъ... Онъ же самъ, Гарамортъ отнынѣ вѣдаетъ божественный покой... Изгнанный изъ рая первобытныхъ, наскитавшись вдоволь и настрадавшись, на послѣдокъ обрѣлъ онъ рай Новый, неописуемо прекрасный.

К. Жаковъ.

СОНЕТЪ.

Памяти Уитмена.

Мои товарищи, по клѣткѣ міровой—
Я изначально неразлученъ съ вами,
Вы, близки мнѣ и я для васъ родной,
Мы связаны бессмертными цѣпями.

Во мглѣ вѣковъ родились жизни зовы
И путь ея былъ вѣчно залитъ кровью,
Но всѣ плоды таинственной Основы
Я освящаю братскою любовью.

Въ холодной тьмѣ мерцающихъ зрачковъ
Читаю древнія и мудрыя загадки,
Сквозь пелену невысказанныхъ словъ

Я вижу, звѣри, какъ вамъ люди гадки!
И вы, какъ я, во власти скорбной думы,
Въ плѣну тоски, печальны и угрюмы.

Э. Г.

Чего онъ хотѣлъ?..

Галинская

„Я хотѣлъ“...

„Чего?“

„Нѣтъ, сейчасъ я не могу сказать. Нужно настроеніе“...

Дверь хлопнула и она осталась одна. Опять недомолвки! Опять полуслова! Ему всегда нужна обстановка, настроеніе, отвѣты на какіе-то полувопросы... Раньше это правило, невольно интересовало, хотѣлось отвѣчать и что-то объяснять... теперь это старо; ушелъ старый интересъ новизны, стало слишкомъ ясно, что душа ея для него, что вѣшній снѣгъ. Что-же объяснять, на что отвѣчать въ такомъ случаѣ? У нея осталось огромная, странная, ей самой непонятная нѣжность къ этому человѣку; и эту нѣжность не могло заглушить сознание, что ему хочется только „ея“, только ради поцѣлуевъ онъ плететь такую сѣть полувопросовъ, полупризнаній, загадываній, намековъ... Порою ей дѣлалось до слезъ обидно, но приходилъ онъ, и все сомнѣнія, анализы и разсужденія исчезали. Оставалось нѣжность, желаніе приласкать его, какъ ребенка, хѣтя онъ большой и сильный...

Началось это давно, почти тогда же, когда она впервые вошла въ этотъ лазаретъ, чужая и далекая всѣмъ его обитателямъ, ненужная и, пожалуй, нежеланная. Она сразу отгородила себя стѣнкой отъ всего внѣшняго міра, открывъ душу только раненымъ, полюбившимъ ее. Эти люди, страдающіе, стонущіе, смѣющіеся и капризные казались ей

какими-то маріонетками въ рукахъ суровой, слѣпой судьбы. Было странно, что это живые люди, полные собственныхъ радостей и печалей, искалѣченные, оторванные отъ родныхъ очаговъ. Хотѣлось отдать имъ всю душу, все силы, всю любовь, но видно, слишкомъ много любви было въ молодомъ, горячемъ сердцѣ, не вся она ушла на тѣхъ, кому она отдала свою свободу, свои силы. Много думалось объ единственной привязанности, — старшемъ братѣ, сражавшемся за родину, много молитвъ, много слезъ стоилъ онъ ей. Хотѣлось забыться. Нашла дѣло, пошла въ лазаретъ... и тутъ на пути ея сталъ этотъ докторъ. Чего онъ хотѣлъ отъ нея, когда дѣловымъ тономъ кричалъ: „Сестра Андреева!“ а затѣмъ смотрѣлъ молча и долго и отпускалъ? Какъ и когда началось это? Что привело ихъ къ поцѣлуу?...

Гдѣ-то послышался стонъ и сестра Андреева, отгоняя ненужныя мысли, побѣжала въ палату.

Другой міръ, точно очищенный отъ всего земного... все бѣлое... бѣлыя стѣны, кровати, одѣяла, бѣлыя блѣдныя лица, какая-то жуткая тишина...

Сестра пошла къ крайней постели и присѣла на табуретъ.

— Что, очень больно?

— Больно, сестрица, пропадаю..

Молодое красивое лицо, измученные большіе глаза, сухія губы.

— Полно, милый, отъ боли не умираютъ;

черезъ мѣсяць плясать будете, домой уѣдете.

— Жена тамъ одна!..

— Такъ отчего же, вы, ее сюда не выпишете?

— А на что? сердито говорить больной.

— Ну, какъ на что! И вамъ веселье, все бы близкій человѣкъ посидѣлъ, и ей не такъ скучно.

— Ну, да, чтобы ревѣла всѣ дни.

— Зачѣмъ же ревѣть? Наоборотъ, она была бы спокойнѣе, если бы видѣла, что вы цѣлы.

— Да, цѣль! И скажете-же, сестрица! Цѣль, когда обѣ руки кривыя и нога не дѣйствуетъ! Цѣль, какъ же!

— Полно, голубчикъ, нога будетъ совсѣмъ здоровая, это ужъ вы слышали и отъ доктора, ну, а руки,—вотъ это неизвѣстно, можетъ массажъ поможетъ.

— Массажъ! Ничего не поможетъ, такія и будутъ, ничего-то не сдѣлаешь... и жена отъ меня уйдетъ.. печально заканчиваетъ больной и смотритъ расширившимися глазами на свои согнутыя въ локтяхъ руки. Одна была прострѣлена въ суставъ, другая—жертва запущенной флегмоны.

— Съ чего же жена уйдетъ? смѣется сестра.

— И не обнять ее никогда... шепчетъ, точно отвѣчая на свои мысли, больной.

— Ну, вотъ вздоръ,—чувствуя скрытую муку въ голосъ больного, весело говорить сестра,—еще какъ обнимете-то! И любить она васъ будетъ еще сильнѣе. Вѣдь вы такимъ же остались, руки-то что! Благо Богъ жизнь сохранилъ, не за руки она васъ любитъ..

— Нѣтъ, не обнять, не обнять..

На глазахъ у сестры слезы. Она чувствуетъ, что дальше слова безсильны... Къ чему говорить, когда слова ударяются о

ствѣнку, созданную чувствомъ? Развѣ помогутъ слова? Развѣ не страшно любить молоденькую славную женку и не сумѣть обнять? Развѣ не испортить, не надломить счастья эта маленькая, ничтожная, но роковая случайность?

Сестра Андреева встаетъ и, чувствуя свое безсиліе, идетъ изъ палаты. Вотъ перевязочная, убѣжище отъ людей. Загасить лампочку и сѣсть въ уголокъ; тутъ уютно и тихо подъ вечеръ, а утромъ тутъ стоны, крикъ, лязгъ пинцетовъ, хлопанье мокрыхъ томпоновъ, звонъ стекла, окрики врачей и опять стоны. Теперь тихо... Сестра Андреева думаетъ о томъ, какъ странно устроена жизнь... вотъ этотъ молодой, измученный человѣкъ страстно хочетъ жить, быть счастливымъ, любить, и у него почти отнята эта возможность, а наряду съ нимъ другой человѣкъ, здоровый и тоже молодой не знаетъ самъ, чего онъ хочетъ и капризничаетъ, выбирая дары жизни. Сестра Андреева полюбила его какъ-то сразу. У нея не было сомнѣній и колебаній, все молодое существо ея стремилось къ солнцу и первая чистая любовь, первая нѣжность и первая ласка вылилась на того, кто подошелъ къ ней такъ близко, такъ просто. Это былъ докторъ. Общее дѣло связало еще больше, и она готова была итти всюду, куда бы онъ ни позвалъ. Но онъ никуда не звалъ. Онъ часто мѣшалъ ей работать, сбивая и путая своимъ взглядомъ, онъ часто цѣловалъ ее, заставляя пугаться и краснѣть часто мучилъ полувопросами, на которые требовалъ отвѣта, а на откровенное признаніе отвѣтилъ шуткой. Онъ часто доводилъ ее до слезъ, заставляя забывать о раненыхъ, но.. онъ никуда не звалъ ее...

Тихо, какъ мышка, прижавшись къ шкапу сидѣла въ перевязочной сестра Андреева,

и въ ухахъ у нея звенѣло беспомощное, жуткое по своей беспомощности: „не обнять, не обнять“...

Какъ хотѣлось бы ей въ эти минуты отдать ему свои руки, которыя умѣли съ беззавѣтною нѣжностью обнимать... но развѣ это „онъ“ хотѣлъ?...

Щелкнулъ выключатель и, сощурившись отъ яркаго свѣта, сестра Андреева почувствовала, что онъ здѣсь.

— Вотъ куда мы спрятались! раздался веселый, безконечно жизнерадостный голосъ и докторъ сразу завладѣлъ ея руками.

— У Попова 38,9... точно отрѣшаясь отъ сна, говоритъ сестра.

— А у насъ холодныя лапки! вторитъ докторъ,—я хотѣлъ...

— Да, да. — точно обрадовалась дѣвушка,—вы не сказали, что же вы хотѣли..

нѣтъ, скажите, нѣтъ, я хочу... вы никогда не говорите, чего вы хотите.. это мучительно, я устала...

У сестры глаза полны слезами, голосъ обрывается, а докторъ прислушивается къ какому-то отдаленному телефонному разговору... Затѣмъ быстро обнимаетъ ее и цѣлуетъ долго и крѣпко...

— Я хотѣлъ...

— Поцѣлуя? со слезами въ голосъ спрашиваетъ она

— Нѣтъ,—смѣется докторъ,—я хотѣлъ...

Изъ палаты доносится стонъ. Сестрѣ кажется, что она уже слышитъ тоскливое: „не обнять,“ и она бѣжитъ изъ перевязочной такъ и не узнавъ... чего же хотѣлъ докторъ?

Талинская.

* * *

Я смѣющійся лучь,
Я спѣшу изъ за тучь
На просторъ свѣтозарныхъ долинъ,
Гдѣ въ объятіяхъ дня,
Полонъ ласкъ и огня
Я царю безраздѣльно,—одинъ.
Улыбнусь, засмѣюсь,
Въ ручейкѣ отражусь,
Поразсыплюсь какъ искристый хмѣль;
Зацѣлюю тебя;
Для тебя изъ себя
Золотую сплету колыбель.
Пропю въ тишинѣ
О цвѣтахъ, о веснѣ,
Зачарую красивой мечтой;
И на солнечный тронъ,
Въ яркомъ блескѣ коронъ,
Возведу, какъ царицу, съ собой...
Я смѣющійся лучь.

Иргенсъ.

Духъ Бездны.

Нелли.

Вчера Вѣра бросилась внизъ, въ пропасть...

Не могла больше противиться Духу Бездны, не устояла передъ словами его хитрыхъ нашептываній, обѣщаній Невѣдомаго Блаженства.

Я знаю эти обѣщанія, хотя и не могъ ихъ слышать отъ умершей Вѣры.

Я знаю Духа Бездны—ту невѣдомую силу, тотъ инстинктъ любопытства, что толкнулъ ее, мою безцѣвную на дно пропасти.

* * *

Не устояла и умерла. Нѣтъ больше друга въ моей жизни. Духъ Бездны унесъ ее къ себѣ.

Длинными руками снялъ ее со скалы и билъ тѣло о вершины утесовъ, о горные ручьи; руки и ноги сломилъ ей; голову изранилъ о колючій кустарникъ и насытился ея кровью, маленькими каплями крови, падавшими медленно съ кусковъ ея дорогого тѣла.

А послѣ всѣхъ мукъ, страшныхъ мукъ—отнялъ самое цѣнное и великое въ Вѣрѣ—ее душу; со смѣхомъ безумія вырвалъ ее у тѣла, увивая листьями лжи; вырвалъ и отдалъ на издѣвательство призракамъ Наслажденія и Красоты.

На страшную борьбу, неравную борьбу бросила бездна душу Вѣры.

* * *

Нѣтъ ея. Нѣтъ Вѣры и души ея. И одинокимъ на землѣ остался я. Одинъ под-

хожу къ скалѣ, каменистой, бурой скалѣ, откуда похитили Вѣру; безстрашно заглядываю внизъ въ далекую, темную теперь, пропасть. Бездонной кажется она.

Заглядываю и зову Духа. Съ проклятіями кричу ему, наклоняясь надъ краемъ бездны. Проклиная требую душу Вѣры.

А, быть можетъ, и самъ брошусь туда.

Не вернетъ Духъ свою жертву; не отдастъ то, что взяли Призраки.—Я пойду за ней и помогу въ борьбѣ.

Я пойду за ней и вырву то, что было вырвано.

Я пойду за ней и вмѣстѣ разсѣмь Призраки и Красоту пропасти.

Такъ притянула насъ Бездна. Такъ за Вѣрой брошусь я въ пропасть.

* * *

Давно ли ходили мы вмѣстѣ? Давно ли жили, почти не думая о Безднѣ?

Страшная сейчасъ—она служила для насъ—меня и Вѣры—предметомъ насмѣшекъ. Гордые познаніемъ своего Міра, отворачивались мы отъ бездны и, слушая рассказы другихъ, смѣялись страху людей; считали бессильными всѣ внушенія Духа.

Не можетъ Бездна, думали мы, оторвать отъ Міра Познанія, чтобы служить Ей и Ея смѣху. Безумному смѣху. Не можетъ ничтожная Природа, часть Природы разрушить Міръ нашего Духа, управляя призраками. Да и гдѣ въ природѣ жизнь призраковъ? Въ пропасти! Внизу.

Выше Бездны стояли мы и когда не подходили къ ней, глаза поднимались къ небу.

Понимаете ли? Къ небу!

Когда не подходили къ безднѣ, то и не смотрѣли въ нее; когда не подходили къ ней, то и не чувствовали Этого Духа, страшнаго, кошмарнаго... Духа крови, безумія и смѣха.

Когда не подходили къ безднѣ.

Долгіе годы глаза наши смѣло смотрѣли на солнце; долгіе годы въ свѣтѣ Красоты и Любви создавали мы вмѣстѣ сказки. И люди прислушивались къ сказкамъ; люди, подобные намъ, тоже творили. Одни жили въ царствѣ грезъ и мечтаній—тогда, давая имъ сказки солнца, мы получали улыбки ночи, звѣздъ; укрывались въ одежды Эфира и славили Міръ, читая о Красотѣ, чувствуя Красоту; другіе творили Звуки—и мы въ нихъ черпали Гармонію; такія дивныя сочетанія, что душа танцевала или плакала, снова прославляя творцовъ и жизнь за Красоту и Величіе; третьи создавали гармонію красокъ; при помощи сказокъ, звуковъ и грезъ приближаясь къ одухотворенію тѣла, „къ идеалу тѣла“—зеркалу Души.

Вездѣ и во всемъ мы искали Красоту. Весь Міръ казался красотой. Жизнь безъ нея была бы невысказанна...

Красота творчества передавалась Жизни и Жизнь давала красоту творчеству.

Жизнь вдали отъ Бездны; отъ Духа Бездны...

* * *

Я помню этотъ день; помню первый день, когда на солнце не были устремлены наши взоры. Я буду помнить его, этотъ день, всю жизнь проклиная и благословляя. Проклиная за смерть безцѣнной Вѣры;

благославляя за нѣчто другое; за мое будущее, если не брошусь въ пропасть.

А быть можетъ я и не брошусь въ Бездну? Откажусь отъ души другой.

Стоитъ мнѣ побороть себя, порвать связь съ тѣмъ, что лежитъ въ Безднѣ,—и я снова свободенъ, снова въ мірѣ Красоты, вверху, среди равныхъ себѣ; вверху надъ Бездной. И если сорвалась одна душа, хотя бы и дорогая, имѣю ли право бросаться за ней?

...Итакъ, въ тотъ день мы рѣшили подойти къ краю. Вѣра первая захотѣла Бездны и всѣхъ мукъ ея. Хотя... она могла забыть муки, увѣренная въ своей недоступности низкимъ духамъ; въ гордомъ величіи верхняго надъ нами; въ сознаніи своей силы. Вѣдь смѣялись мы надъ Бездной. Со смѣхомъ же пошли къ ея краямъ. Откуда тогда быть страху, преждевременному безсилію.

...О безсиліи только теперь знаю я. А тогда мы не знали.

И пропасть приковала наши взоры. Изгибы скалъ, утесы, горные ручьи открывали глазу еще одну Красоту къ нашимъ Красотамъ жизни и творчества; зеленые кустарники въ отлогахъ горъ, въ ущельяхъ; фіолетовые, красные, золотистые цвѣты, невиданные нами до этого дня, манили къ себѣ; чья то сила тянула въ Бездну, а смѣхъ духа отчетливо звучалъ въ нашемъ тѣлѣ тонкими, тонкими голосами, какъ пѣніе маленькихъ, желтенькихъ птичекъ или колокольчикъ бѣлыхъ козъ въ зеленыхъ сочныхъ лугахъ.

Такъ вниманіе наше первый разъ обратила Бездна, а солнце, далекое, чужое свѣтило для другихъ.

Объщанія Духа—Блаженства: отъ дур-

манящаго запаха цвѣтовъ, отъ нашепты-
ваній горнаго ручья, отъ познанія непозна-
ваемаго, отъ упоенія властью надъ собою
и своимъ тѣломъ, отъ освобожденія своего
Духа „А что если брошусь? Вотъ захочу
и брошусь—и Солнце и Красота не удер-
жатъ меня больше!“ думалъ и я мгнове-
ніями, но старался пока голова не идетъ
кругомъ отъ нашептываній, пока зароненное
бездной сомнѣніе въ Красотѣ и Долгѣ не
охватило меня, перерѣзать цѣпь возмож-
ности.

Непоколебленная въ Красотахъ и Солнцѣ,
хотя на мгновение забывшая ихъ, стояла
Вѣра. Но Духъ Бездны, вѣроятно, и ей
шепнулъ о долгѣ. Слиться съ Духомъ про-
пасти и вмѣстить Солнце—думала Вѣра;
Красотой внизу дополнить наши Сказки,
создать Одну Сказку и Красоту нашей
жизни передать имъ—призракамъ пропасти,
духамъ Бездны.

Можно ли? Я даю себѣ ясный отчетъ
въ этомъ—и отошелъ отъ края, взявъ ее
за руку. Вѣра молчала; загадочно молча-
ливая больше не смотрѣла на Солнце. На-
полнивъ звуками свою душу, не вдумываясь
въ мои слова рвалась къ Безднѣ.

Тьму пропасти освѣтить—солнцемъ стало
задачей ея поэтической души, нѣжной, любя-
щей, кристально-чистой. И сила красоты
должна была преодолѣть всѣ препятствія,
всѣ скалы, весь ужасъ паденія. Вѣра ду-
мала, что въ ней есть эта сила. Сознатель-
ное—Красота и бессознательное—страшная
Возможность, инстинктъ любопытства, на-
шептыванія Бездны о призракахъ, о долгѣ,
объ единой красотѣ переплелись въ вихрѣ
настойчиваго желанія: броситься внизъ.

Броситься внизъ...

И Вѣра бросилась черезъ два дня послѣ
нашего приближенія къ краю Бездны. Вѣра бро-
силась одна, избѣгая послѣдніе дни меня
и моихъ доказательствъ. Не могла больше
противиться Духу, не устояла передъ хит-
рыми словами его обѣщаній Блаженства.
Не устояла—и умерла. Погубила и тѣло
и душу.

Я знаю, что она погубила и тѣло и душу.
Я знаю обѣщанія злого Духа Бездны и ко-
нецъ этихъ обѣщаній.

* * *

Требованія возвращенія напрасны. Духъ
не вернетъ ея души. Итти ли на помощь?
„Я пойду за ней и помогу въ борьбѣ. Я
пойду за ней—и вырву то, что было у
меня вырвано. Я пойду за ней и вмѣстѣ
разсѣмъ Призраки и Красоту пропасти.
Такъ за Вѣрой брошусь я въ пропасть“.
Эти слова—слова горя, снова нашептыванія
Духа Бездны. Вотъ я отошелъ отъ края и
мнѣ легко. Мнѣ легко. Духъ Бездны гово-
рилъ мнѣ о долгѣ у края; ловилъ меня на
обязанности помогать своей любимой подругѣ.
На обязанности помогать—этимъ увле-
калъ онъ меня къ гибели... Опасно итти
къ краю. Нѣтъ еще достаточной Силы. Еще
и еще надо Солнца и Силы, чтобы побѣ-
дить Бездну. Еще и еще надо Красоты,
чтобы устоять передъ сладостью обѣщаній.
И мнѣ остается, проклиная „первый день“
за смерть дорогой Вѣры, благословить его
за нѣчто другое; за мое будущее, если
я не брошусь въ Бездну.

Не.ли.

Изъ записокъ ненормальнаго человѣка.

Нелли.

II

Я лечу къ небу. Все выше и выше поднимается мой шаръ, ныряя между бѣлыми облаками. Земля скрывается изъ моихъ глазъ и я радуюсь, смѣюсь тихо, про себя... Земля осталась внизу. Наконецъ то я одинъ. Одинъ ли? А старуха Жизнь-то, забыль про нее? Вѣдь она давно сидитъ возлѣ и безмолвно смотритъ ввалившимися глазами. Она ждетъ тебя, чтобы рассказать о своихъ скитаніяхъ. Познавшій Вѣчность я позналъ и Жизнь. Познавшій Вѣчность я пересталъ быть простымъ человѣкомъ. Пелена „человѣчества“ спала съ моихъ глазъ—духи появились передо мною; духи—Начала моего великаго Духа. А вмѣстѣ съ духами я увидѣлъ и свою Жизнь, какъ будто она покинула мое тѣло и летѣла вмѣстѣ съ плотью къ небу. Вмѣстѣ—рядомъ, а не внутри. Конечно, человѣкъ не пойметъ этого; человѣку покажется бредомъ такое летаніе вмѣстѣ, рядомъ. Но я—не человѣкъ; меня коснулась сама Вѣчность и пересталъ я измѣрять вещи, тѣла, міръ линейкой человѣка. Масштабъ мой—масштабъ сферы, все охватывающій; такимъ масштабомъ можно измѣрять міры. Тамъ, внизу, при такомъ измѣреніи люди набрасывались, связывали позади, на спинѣ руки и бросали меня въ свои клѣтки. Исправленіемъ—называли люди издѣвательство; за безуміе считали мои слова и мысли.... Сейчасъ я вырвался изъ тюрьмы человѣка

и купаюсь въ лучахъ заходящаго Солнца. Сейчасъ я свободенъ въ своихъ измѣреніяхъ и нѣтъ надо мной больше кулака человѣка.

Я слушаю Жизнь. Картины десятковъ лѣтъ встаютъ живыми. Встаютъ годы дѣтства, юности; годы работъ познаванія, годы мукъ въ тискахъ людей. Съ первыхъ дней обитанія на Землѣ я полюбилъ Одиночество; съ первыхъ дней я кричалъ, если ко мнѣ приближались люди. Часами лежалъ въ колыбели, съ открытыми глазами. Безъ мысли смотрѣлъ на Землю, такъ какъ еще не все духи влетѣли въ мою оболочку, въ мое «тѣло». Правда, Сомнѣніе послѣ долгой дороги, послѣ холода метели сладко уснуло но Ужась и Зло никакъ не могли утихнуть. Пляска съ Жизнью смѣнилась борьбой.... Духъ Познанія не летѣлъ, быть можетъ ожидая теплоты Солнца, да и Познаніе всегда отличалось нѣжностью структуры. Духъ Вѣчности посѣщаетъ избранниковъ, а я еще долженъ былъ достигнуть своего избранія, чтобы стать жилищемъ такого Духа. Духъ Заблужденія не могъ летѣть самъ безъ своего брата Познанія. Однимъ словомъ, нѣсколько духовъ медлили, и перечислять ихъ всѣхъ было бы, пожалуй, внѣ смысла. Я лежалъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на людей; со злобой колотилъ подходящихъ ко мнѣ своими рученками, стараясь залѣзть въ ихъ глаза—лживые глаза, какъ послѣ оказалось. . . . Борьба Ужаса и Зла съ Жизнью становилась упорной:

побѣда могла перейти къ двумъ первымъ, если бы не замедлившіе своимъ появленіемъ духи. Они съ Жизнью одолѣли Ужасъ и Зло; одолѣли, но не убили. Ужасъ скрылся въ тайникахъ души; Зло, израненное и истекавшее кровью не оставило меня, иногда являя свое лицо . . . . .

Люди показали мнѣ Землю въ иномъ видѣ, чѣмъ инстинктивно увидѣлъ я. Близкіе мнѣ люди ложью усыпали мой путь, открывая предо мною красоты человѣчества. Вѣрили они этимъ красотамъ земли, думая, что выше и лучше земли нѣтъ ничего въ мірѣ. Какъ дьяволъ искушалъ Христа, предлагая Ему броситься внизъ съ крыла храма, такъ люди искушали меня, въ надеждѣ, что я брошусь въ мірѣ ничтожества. Какъ дьяволъ царства міра дарилъ Иисусу, лишь бы Онъ поклонился ему, такъ люди обѣщали славу, богатство, царство человѣковъ за признаніе человѣческой правды, человѣческаго Ученія; за поклоненіе человѣку. Дьяволъ искушалъ Христа; люди искушали меня, какъ Духа Вѣчности. Кошунствомъ кажется вамъ, человѣки, то что я ставлю себя въ положеніе Христа; кошунствомъ называете вы такія сравненія. Человѣка хотите видѣть вы во мнѣ. Отсюда происходитъ ваше „кошунство“. Не человѣкъ я, а духъ Вѣчности; не человѣкъ я, а бессмертное начало; не человекъ я, познавшій все Человѣчество. Познавшій всѣхъ васъ! Красоту Земли открыли мнѣ въ первое время; такъ начиналось ваше „воспитаніе“. Красотой закрывали глаза; высокими словами убаюкивали душу... И старались оградить отъ „міра зла“, старались запутать духа Сомнѣнія. А онъ? Что дѣлалъ этотъ духъ? Проснулся ли онъ? Да, онъ проснулся; раньше чѣмъ у другихъ, проснулся онъ во мнѣ. Въ дѣтскомъ

слѣ набрался силъ для тяжелой работы. Сразу же сталъ разрушать Красоту, предложенную вами, въ вашихъ словахъ нашелъ ложь и лицемеріе. Вы злились конечно? Вы демономъ считали меня? Вы въ Сомнѣніи увидѣли Демона? Слепые кошки! Демонъ ли Сомнѣніе? Я еще сейчасъ слышу ваши голоса, визгливые голоса безсильныхъ людей: „Сомнѣніе—зло! Разумъ—зло! Вѣра! Вотъ начало жизни! Въ вѣру закрывали все непонятное, вѣрой окутывали вы свои дѣла, вѣрой защищались отъ сильнѣйшаго. А духъ вашъ—отрицали, свое „я“, свою личность—давили, растворяя ее въ „обществѣ“, — Дьяволы, мерещелись вамъ и ими пугали мою душу; духовъ міра называли чертями, гнали отъ себя, требуя всегда послушанія. Всегда требуя, выставляя пониманіе свое за законы міра. И отъ меня требовали. И мнѣ рисовали высоту своихъ ученій . . . . .

Въ школахъ вашихъ узналъ я завоеванія ума человѣка. Наукѣ зовутъ люди свои завоеванія. Законы открываютъ, и создаютъ теоріи. Но и здѣсь не выше земли поднимались люди умомъ. Пространство, время, міры недоступны ихъ пониманію. Реальность!—лозунгъ бѣдныхъ людей. Реальность въ геометріи трехъ измѣреній, реальность въ законахъ природы, называемыхъ физикой, реальность, грубая реальность въ опредѣленіи вещей. Только немногіе стали искать выше земли; только немногіе, какъ я, поднялись надъ реальностью и требуютъ духовъ. Не вѣры, не слѣпой вѣры, а духовъ. Здѣсь большое различіе. Вѣра и—духи. Вѣра—и духъ Человѣка; къ Духу человѣка стремятся немногіе, въ Духѣ человѣка найдутъ они свое бессмертіе. Познавъ Духъ свой, получаютъ Вѣчность, а съ

него міровые масштабы. Въ наивысшихъ обобщеніяхъ, въ отвлеченности представленій, въ мірѣ духовъ зародятся эти масштабы, зародится пониманіе природы и знаніе Міра.

— Я и немногіе познають Міръ. Я и немногіе! И Я—начало, первый изъ немногихъ. Я—начало Вѣчности, начало—міровыхъ масштабовъ; начало—познанія Міра. А люди не идутъ выше реального и потому противорѣчіе, непониманіе, новыя открытія, не вмѣщающіеся въ прежнія теоріи.... Въ юношескіе годы я познакомился и со стремленіями. Партіи разбиваютъ людей на нѣсколько враждующихъ лагерей, а въ партіяхъ—стадность. Толпы людей, принимающихъ новое ученіе; толпы людей, набрасывающіяся на то, что модно, что оригинально, выше ихъ обыденныхъ дѣяній. Но ошиблись вы, если даже эти оригинальности приняли за полеты духа, за исканіе своего, „я“, за выявленіе своей сущности. Не духи въ этихъ ученіяхъ. Голосъ, скрытый за словами, голосъ толпы въ этихъ ученіяхъ; голосъ жизни, борьбы за хлѣбъ и жилище! Тамъ нѣтъ или почти нѣтъ духа. Стоитъ воплотить мечты этого дня толпы въ книгу и толпа бросается за воплотившимъ, найдетъ въ такомъ воплощеніи, въ реализаціи—оригинальность. Гдѣ она? Въ чемъ? Не стара-ли какъ земля вся борьба за пищу? И не мѣняются ли лишь драпировки на окнахъ зала, гдѣ происходитъ состязаніе? А Духъ человѣка мало познанъ, Духъ человѣка спитъ въ глубинѣ его существа, спитъ до самой могилы..... Разбиваются партіи, разбиваются ученія. Одно смѣняетъ другое, а всѣ они—борьба за хлѣбъ, за тѣло.... Я позналъ Духъ и отрицаю всѣ партіи. Въ Духъ должно слиться все человѣчество; Духомъ опредѣлится жизнь и

тяготѣніе къ жизни. Найдя свою сущность люди найдутъ законы; и изъ законовъ этихъ изъ части законовъ создадутъ жизнь вмѣстѣ безъ партій. Жизнь вмѣстѣ, а не общество; жизнь в мѣстѣ, а не стадо! Сейчасъ же жить съ людьми вмѣстѣ нельзя! Нельзя Духу не враждовать съ тѣломъ; нельзя человѣка поселить съ богомъ. Какъ совмѣщать тѣльное и вѣчное? Смерть и Безсмертіе?! Вышій разумъ съ „разумомъ“ ползанія по землѣ? А ихъ разумъ—разумъ ползанія! Ихъ взоръ не устремленъ къ облакамъ, къ высшему себя! Къ себѣ самому въ томъ, гдѣ таится высшее. Не устремленъ въ себя ихъ разумъ. Правда; и они вѣрятъ въ безсмертіе! Но какъ пошло ихъ безсмертіе? Блаженствомъ называютъ они его. Блаженство—ихъ вѣчность! По земному представляютъ они свое безсмертіе и земная вѣчность ждетъ ихъ. Вѣчность червя, вѣчность земли, возвращенія къ землѣ. Вѣчность—гніеніе не только тѣла, а и Духа, перешедшаго изъ летаргіи въ „земную вѣчность“. Блаженство, рай, гуріи, человѣческое безсмертіе; заслуга за систематическій самообманъ на землѣ; за самоуниженіе, самоуничтоженіе; убійство своего Духа, своей сущности; за гоненія на маленькихъ духовъ. И Христа перевели люди на свой языкъ, увѣряя другъ друга въ своемъ пониманіи. Христа они сдѣлали человѣкомъ, хотя Христосъ былъ Богомъ. Не ихъ, конечно, богомъ, какъ они Его зовутъ тамъ. Онъ Богъ—Вселенной и Богъ Вѣчности . . . . .

Не хочу ихъ безсмертія, не хочу людской вѣчности. Я иду къ небу. Познавъ землю, я не хочу земли. Любовь земли—пошлость; мысль земли—колебаніе; жизнь земли—борьба за хлѣбъ. Любовью начинаютъ въ

дѣтствѣ и злобой оканчиваютъ у гроба. Какъ дикіе звѣри рвутъ на куски человѣка, изощряясь въ способахъ убійства. И зная свое звѣрство, окружили жилище закономъ; зная свою жадность, создали право. Для чего законъ? Для охраны отъ преступленій! Что такое право—граница человѣческой жадности; черта между людьми, охраняемая закономъ? А цѣнности ваши? И цѣнности создали вы, чтобы играть ими, какъ камешками. Играть, переоцѣнивая и недооцѣнивая, какъ старьевщики въ пыльных лавкахъ. Для забавы создали вы цѣнности; думая усыпить свое Сомнѣніе ввели ихъ въ жизнь, а затѣмъ сдѣлали игрушкой. Не цѣнны онѣ—ваши цѣнности. Нѣтъ.

Науки, ученія, партіи, мораль, религія—все создано человѣкомъ и имъ опредѣляется. Нѣтъ полета выше и Законовъ выше. Не Богъ, не вѣчность и не Духъ говоритъ въ нихъ.

И законы Бога—Христа, законы, на мгновеніе ослѣпившіе человѣчество свѣтомъ

Духа—перешли въ законы людей при ихъ толкованіи. Люди перевели ихъ на свой языкъ человѣчества. И все теперь можно объяснить ими, этими законами. Лучше бы не было ихъ!

Не возникало бы тогда и живыхъ толкованій!

Убійство, борьба, ложь, рабство находятъ въ нихъ свое оправданіе. Оправданіе законами Бога въ устахъ человѣка. Оправданіе человѣческое.

За это не хочу я земли; за извращеніе Истины презираю ее; за убійство появлявшихся пророковъ ненавижу ее—и стремлюсь туда вверхъ, гдѣ нѣтъ воздуха человѣческаго лицемѣрія, гдѣ нѣтъ земли съ человѣками, гдѣ живутъ лишь духи.

Духи—Начала Духа Человѣка.....

Я лечу къ небу.

Нелли.

Жизнь высшей школы.

Политехникумъ.

Петроградъ.

28-го февраля въ одной изъ аудиторій Политехническаго Института состоялось собраніе студенческой санитарной дружины—политехниковъ, представленной на немъ главнымъ образомъ подносочной и перевязочной группой.

Однимъ изъ интересныхъ пунктовъ порядка дня былъ вопросъ о существованіи и работѣ дружины въ періодъ лѣтнихъ каникулъ.

Въ виду того, что подавляющее большинство товарищей на лѣто покидаетъ Петроградъ—работа дружины фактически должна будетъ прекратиться; а преемственная работа въ будущемъ осеннемъ семестрѣ можетъ и не возобновиться, такъ какъ такое положеніе несомнѣнно вызоветъ замѣну дружинныхъ работниковъ другими.

Собраніе in concreto высказалось, чтобы были найдены средства привлечь товарищей на лѣтнюю работу санитарной дружины и не терять своего участія въ дѣлѣ помощи раненымъ.

Было вынесено постановленіе, чтобы дружина

изыскала средства привлечь товарищей на лѣтнюю работу въ госпиталяхъ при условіи ея безвозмездности. При этомъ имѣлось въ виду, что тѣ, кто по матеріальнымъ соображеніямъ не можетъ такъ поступить, будетъ въ состояніи заключить съ администраціей госпиталя единоличный договоръ, но этотъ фактъ уже самъ по себѣ опредѣляетъ ихъ выходъ изъ дружины.

Противъ этого можно привести слѣдующее соображеніе: чѣмъ виноваты тѣ товарищи, которые будутъ имѣть искреннее благое желаніе помочь общему дѣлу, и плохой карманъ, чтобы исключать ихъ изъ дружины самымъ фактомъ принятія предложенныхъ условій?

Рвать связь со студенческой организаціей не имѣетъ ничего пріятнаго даже для несолидарныхъ товарищей—и это, несомнѣнно будетъ сильно тормозить разрѣшенію поставленнаго вопроса.

Въ итогъ можно сказать, что приведенное рѣшеніе собранія носило поистинѣ буржуазный характеръ: вѣдь оно дало возможность работать лѣтомъ въ составѣ санитарной дружины лишь тѣмъ товарищамъ, которые достаточно для этого состоятельны.

А. Т.

Отвѣтств. редакт.-издатель студентъ *Александръ Васильевъ.*

Принимается подписка на 1915г.
(III г. изданія)

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“

Журналъ издаваемый Русскимъ Библиографическимъ Обществомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей Б. С. Боднарскаго.

Сроки выхода. Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ: въ апрѣлѣ, іюлѣ, октябрѣ и декабрѣ, размеромъ не менѣе 5 печ. листовъ въ кажд. №-рѣ. Подписная цѣна. Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—4 руб., на 1/2 г.—2 руб. Отд. №—1 руб. За границу 5 руб. Такса объявленій: 1 страница — 40 руб., 1/2 — 20 руб., 1/4 — 10 руб., 1/8—5 руб., 1/16—2 р. 50 к., строка петита въ 1 колоннѣ (стр. 2 кол.)—40 к. Контора и Редакція; Москва, Моховая, 11 (Старое зд. Унив.), Библиографическое Общество. Отдѣленіе конторы: Б. Никитская, 10, книжн. магаз. „Наука“. Подписка на журналъ принимается въ конторѣ редакціи, отдѣленіи конторы и во всѣхъ столичныхъ и большихъ провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ. Вся переписка должна быть направляема въ Библиогр. О-во или по адресу редактора: Москва, В. Цалашевскій, 2. Богдану Степановичу Боднарскому. Личные переговоры—по понедѣльникамъ отъ 7^{1/2} час. веч. въ помѣщеніи Библиографическаго Общества, въ остальные дни—по предварительному соглашенію.

Если вы интересуетесь завязаніемъ оживленныхъ торговыхъ сношеній съ потребителями и перепродавцами предметовъ Вашего производства или торговли, имѣющими соприкосновеніе съ технической и электрической областями, Вы должны помѣстить свое объявленіе въ журналъ.

Если Вы интересуетесь систематическимъ описаніемъ новостей и усовершенствованій изъ области техники и электричества, а также нахожденіемъ новыхъ выгодныхъ источниковъ пріобрѣтенія предметовъ названныхъ областей Вы должны подписаться на журналъ
4 годъ изданія.

ТЕХНИКА И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО“

Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой 2 рубля. Номера журнала, кромѣ подписчиковъ, совершенно бесплатно разсылаются повсемѣстно въ Россіи центральнымъ электрическимъ и телефоннымъ станціямъ, городскимъ, губернскимъ и уѣзднымъ управамъ, инженерамъ, архитекторамъ, строителямъ и техникамъ, техническимъ и электрическимъ конторамъ, инсталляторамъ электрическаго освѣщенія и т. д. Лица и учрежденія перечисленныхъ категорій приглашаются сообщать свои адреса для совершенно бесплатной высылки имъ свободныхъ №№ журнала. Контора и редакція Одесса, Ришельевская, № 21, охотно и бесплатно высылаютъ пробн. №№ расцѣнки и эскизы объявленій и т. д.

Открыта подписка на 1915 годъ на журналъ

Вѣстникъ общественной гигиѣны.

СУДЕБНОЙ и ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

51-й годъ изданія.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться ежемѣсячными книжками по прежней программѣ. Предпочтеніе будетъ отдаваться, какъ и прежде, статьямъ и сообщеніямъ по гигиенѣ и особенно касающимся вопросовъ оздоровленія Россіи, а также статьямъ по общественной и судебной медицинѣ. Подписная цѣна 7 рублей 50 коп., для выписывающихъ журналъ черезъ редакцію 7 рублей въ годъ; за границу 8 р. 50 к. Подписка принимается только на цѣлый годъ. Условія разсрочки: I) „Врачи, получающіе содержаніе по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (врачебные инспектора и ихъ помощники, уѣздные и городовые врачи), изъявившіе желаніе получить „Вѣстникъ“, пользуются разсрочкою подписной платы съ уплатою по 60 к. ежемѣсячно (въ декабрь 40 к. при условіи заявленія редакціи не позднее 1 декабря 1914 года о желаніи воспользоваться такою разсрочкою. II. Безъ остальныхъ подписчиковъ пересылаютъ деньги непосредственно въ редакцію или полностью, или частями, внося—при подпискѣ 3 руб. а остальные въ два срока, не позже 1 апрѣля и 1 іюня подписного года. Редакція проситъ адресовать денежные отправленія (переводами) по адресу; Петроградъ. Театральная ул., 3, Редакція журнала „Вѣстникъ общественной гигиѣны, судебной и практической медицины“. За перемѣну адреса 25 коп. почтовыми марками. Редакція проситъ о желаніи получить журналъ уведомлять непосредственно ея подписной платы въ казначейство не вносить.

Редакторъ М. С. Уваровъ.

VI-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

VI-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

на 1915 годъ на двухнедѣльный иллюстрированный литературно-художественный и профессиональный экономическій журналъ

24 № журнала съ
массой рисунковъ,
чертежей и литературныхъ
приложений.

„Столяръ“

24 № иллюстрированныхъ
приложений на отдѣльныхъ
листахъ съ рисунками,
чертежами и композиціями
мебели и строительно-столярныхъ
работъ.

Программа журнала: 1) Экономическое и профессиональное положеніе ремесленниковъ. 2) Художественное и техническое образованіе ремесленниковъ. 3) Технические соображенія, совѣты и рецепты. 4) Рисунки и чертежи: а) внутренней отделки, б) строительно-столярныхъ работъ, в) убранство комнатъ, частныхъ и общественныхъ помѣщеній, г) мебели во всевозможныхъ стиляхъ. 5) Систематическое руководство для технического самообразованія. 6) Библиографія и критическіе отзывы. 7) Вопросы и отвѣты. 8) Литературный отдѣлъ: а) обзоръ важнѣйшихъ мировыхъ событій, б) внутрення дѣла, в) разныя извѣстія и г) рассказы, повѣсти и стихотворенія. 9) Иллюстрированныя приложения на отдѣльныхъ листахъ: чертежи, рисунки и композиція. 10) Общія свѣдѣнія о новостяхъ рынка; 11) Объявленія. Кроме текущаго матеріала, въ журналѣ за время его существованія напечатаны систематическія изложенныя статьи, съ рисунками и чертежами, изъ которыхъ укажемъ: Стили (исторія искусства въ связи съ примѣненіемъ стилей въ художественной промышленности). 2) Технологія дерева (описаніе разныхъ породъ дерева и приемовъ его обработки) 3) Курсы рисованія и черченія. 4) Механическое оборудованіе столярныхъ мастерскихъ 5) Размѣры и пропорціональная величина мебели. 6) Ремесленное хозяйство. 7) отделка поверхности дерева: виды поверхностей и способы обработки каждой. 8) Затѣи, въ которыхъ приводились разныя остроумныя и по езные выдумки и примѣненія въ области мебели. 9) Бесѣды о нуждахъ столяровъ, гдѣ освѣщались текущія злободневныя вопросы причемъ особое вниманіе было уделено вопросу о дополнительномъ образованіи ремесленниковъ приводилась программа вечернихъ ремесленныхъ классовъ. В 1915 году журналъ „Столяръ“, кроме продолженія установленной программы, ставитъ себѣ въ обязанность знакомить читателей съ всевозможными открытіями, нововведеніями и усовершенствованіями художественной промышленности, въ особенности изъ области столярно-мебельнаго производства, а также давать общія свѣдѣнія о новостяхъ рынка съ указаніемъ мѣста пріобрѣтенія и спроса инструментовъ, приборовъ, украшеній и т. д.

Вообще журналъ ставитъ своей цѣлью дать возможность ремесленнику-столяру, какъ столицѣ, такъ и глухой провинціи—быть въ курсѣ новостей—въ области столярно-мебельнаго дѣла, для чего Редакція слѣдитъ за развитіемъ технической промышленности на Западѣ, отмѣчая на страницахъ журнала все интересное и выдающееся, имѣющее отношеніе къ столярному и мебельному искусству. Предполагается увеличить число рисунковъ, чертежей по всѣмъ отраслямъ столярнаго ремесла съ пояснительными къ нимъ статьями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ 5 руб., на полгода 2 руб. 60 коп., на три мѣсяца 1 руб. 40 коп. Допускается разсрочка (для головныхъ подписчиковъ): при подпискѣ 2 рубля и черезъ каждые два мѣсяца по 1 руб. Пробный номеръ высылается немедленно за 4 семикоп. марки.

Въ Конторѣ редакціи журнала „Столяръ“ имѣется ограниченное количество полныхъ комплектовъ за 1910 г.; высылаемыхъ за 2 р. 50 коп. полный комплектъ изъ 12 №№ Комплекты за 1911 г.—4 руб. 1912 г.—4 руб. 1913 г.—4 руб. 50 коп. 1914 г.—5 р. и 1915 г.—5 р.

Адресъ редакціи и Конторы—Петроградъ, Корпусная 28-6.

Редакторъ-издатель К. К. Мауринъ Стіазбре.

2-ой годъ изданія.

2-ой годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и научный журналъ
молодой надпартийной интеллигенціи

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

издаваемый студенчествомъ, чистая прибыль отъ продажи котораго
идеть на помощь семьямъ павшихъ въ бою воиновъ,

Цѣли и задачи журнала. Зародившись въ тяжелую эпоху общественнаго перелома, — журналъ „Сверный Гусларъ“, какъ органъ выступающей въ жизнь молодой надпартийной интеллигенціи, переросшей узкія рамки партийности и кружковщины съ ихъ односторонними жизненными принципами, имѣетъ своей цѣлью:

- 1) объединить ищущихъ, задыхающихся подъ балластомъ программныхъ предписаній, стремящихся къ новой жизни, но еще не успѣвшихъ освободиться отъ обаянія прежнихъ фетишей;
- 2) способствовать всестороннему раскрыщенію личности;
- 3) выявленію самобытности въ литературѣ;
- 4) отыскать пути къ новому лучшему будущему за гранью перелома;
- 5) дать возможность на почвѣ трудовой коопераціи заработать неимущимъ учащимся.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—8 р. на 1/2 года 4 руб.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4 - 10 р. строка пегита 30 к. Позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. 1/4 стр.—8 р.; строка пегита—20 коп.; годовымъ скидка по соглашенію.

При всякомъ сношеніи съ редакціей необходимо прикладывать на отвѣтъ марку. Въ противномъ случаѣ отвѣтъ для редакціи необязателенъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, Б. Зеленина д. 8. кв. 20 а также въ книжныхъ магазинахъ. Попова—Невскій 66. „Жизнь“ Петр. ст. Б. прос. д. 3, „Новый путь“ Петр. ст. Б., пр. д. 1, книжный магазинъ „Учитель“ Больш. пр. (Петр. стор.) д. 4, книжный маг. Вас. Остр. Больш. пр. д. 2/18. Вольфа—Невскій 13, „Новое время“ Невскій 40, Карбасникова—Гост. Дворъ 19 и въ отдѣл. конторы при типогр. Литейный пр. 33.

Пробный № высылается за 2 семикопеечныя марки.

Отвѣт. Ред. Изд. студентъ А. Васильевъ.

Съ 15 февраля 1915 года въ Москвѣ открыто отдѣленіе конторы и редакціи журнала „Сѣверный Гусляръ“. Т. т., желающихъ принимать участіе въ нашемъ журналѣ, просимъ направлять весь матеріалъ по адресу: Москва, Б. Полашевскій, д. 5 кв. 1. **Д. Д. Зеленскому**.

Журналъ продается въ Москвѣ въ магазинахъ: „Русское Слово“—Тверская 48, Карбасникова—Моховая, Студенческое Издательство—Моховая, „Высшая Школа“—Полянка. А также въ кассѣ при столовой „Общество студентовъ и курсистокъ“, на Дѣвичьемъ Полѣ.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію — рукописи, рассказы, стихи, статьи на разные темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа и, по возможности, четко, — подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются бесплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Редакція проситъ нуждающихся т. т. — студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1915 годъ (7-й годъ изданія).
Ежемесячный иллюстрированный журналъ

Открыта подписка на ежедневную газету
на 1914 г. (Девятый годъ изданія).

Яранское „Пчеловодство“

ВОЛГА

Программа журнала: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Бесѣды съ простыми пчеляками. 3) Сообщенія пчеловодовъ. 4) Изъ дѣятельности земствъ, пчеловодныхъ и сельскохозяйственныхъ обществъ. 5) Жизнь пчелъ. 6) Изъ книгъ и журналовъ. 7) Библиографія. 8) Кустарный отдѣлъ. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Смѣсь. 11) Вопросы и отвѣты. 12) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою за 1 годъ—1 рубль, за 1/2 года—65 коп., за 3 мѣс.—40 коп. Для г. г. членовъ Яранскаго Пчеловоднаго Общества, уплатившихъ членскій взносъ за 1915 г., цѣна 30 коп. въ годъ. Для членовъ Общества, проживающихъ за предѣлами уѣзда, 50 коп. въ годъ. Плата за объявленія: позади текста за одинъ разъ 1 стр. 8 р., за 3 раза 18 р., за 6 разъ 30 р., за весь годъ 40 р., 1/2 стр. 4 р., за 3 раза 9 р., за 6 разъ 15 р., за весь годъ 20 р., 1/4 стр. 2 р., за 3 раза 4 р. 50 к., за 6 разъ 7 р. 50 к., за весь годъ 10 р. Впереди текста вдвое дороже.

Редакторъ, Агрономъ *Н. В. Селивановъ*.

Адресъ редакціи: гор. Яранскъ, Вятской г., Редакція журнала „Яранское Пчеловодство“.

Условія подписки: Для подписчиковъ въ Саратовѣ и сл. Покровской; на годъ 5 р. 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 к., 2 мѣс. 1 р., 1 мѣс. 50 коп. Для иногороднихъ; на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 3 мѣс. 1 р. 65 к., 2 мѣс. 1 р. 10 к., 1 мѣс. 55 к. Для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, допускается разсрочка подписной платы; при подпискѣ 2 р. и затѣмъ, начиная съ 1 марта, по 1 руб. ежемесячно; для чиновниковъ, выписывающихъ газету черезъ учрежденіе, въ которомъ служатъ,—по 50 к. ежемесячно. Газета высылается на льготныхъ условіяхъ волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, сельскому духовенству, учителямъ сельскихъ школъ и крестьянамъ, живущимъ въ деревнѣ, по цѣнѣ; за годъ 4 р., за 6 м. 2 р., за 3 м. 1 р. Отдѣльная подписка на журналъ „Другъ Пахаря“ 3 рубля въ годъ. Подписка принимается въ конторѣ редакціи. Московская ул., д. Лисенко.

Для удобства публики журналъ продается у газетчиковъ.